

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский институт истории

Николай I:

Личность и эпоха

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Издательство «Нестор-История»
Санкт-Петербург
2007

УДК 947.073
ББК 633(2)521.2

Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. СПб.: Издательство «Нестор-История», 2007. — 530 с.

Ответственный редактор *А. Н. Цамутали (д. и. н.)*

Составители:

Т. В. Андреева (к. и. н.) — ответственный составитель;
Л. А. Булгакова (к. и. н.),
Л. В. Выскочков (д. и. н.),
Т. Н. Жуковская (к. и. н.),
П. В. Ильин (к. и. н.),
С. Н. Искюль (д. и. н.),
И. В. Лукоянов (к. и. н.),
А. А. Михайлов (д. и. н.),
Т. Л. Пашкова (к. искусств. н.)

Рецензенты:

С. В. Куликов (к. и. н.),
М. Ф. Флоринский (д. и. н.)

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 05-01-16345д*

ISBN 5-98187-187-3

© Коллектив авторов, 2007
© СПбИИ РАН, 2007
© Издательство «Нестор-История», 2007

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Со времени смерти Николая I прошло более ста пятидесяти лет. За эти годы написано множество книг, посвященных истории России второй четверти XIX в., анализу деятельности и личности императора. Исследователи спорят о причинах исторической предопределенности поражения Российской империи в Крымской войне, о роли в этой трагедии носителя верховной власти. При этом как сторонники, так и противники Николая Павловича, независимо от их политических убеждений, едины в том, что черты личности монарха и принципы его государственной деятельности во многом определили судьбу страны.

Царствование Николая I в историографической традиции, восходящей еще к А. И. Герцену, характеризуется как эпоха торжества реакции, социально-экономического кризиса и идейного упадка, трагедии сломленного последекабристского поколения. Безусловно, крымская катастрофа продемонстрировала всю глубину отставания России в экономическом и социальном отношениях от ведущих государств Западной Европы, к этому времени совершивших стремительный скачок в своем развитии. Казалось, тридцатилетняя внутривнутриполитическая стабильность в стране должна была дать верховной власти время и возможность решить, наконец, крестьянский вопрос, модернизировать экономику, укрепить военную мощь Российского государства и его влияние в мире. Между тем и в середине XIX в., когда в развитых европейских странах существовали конституционно-представительные системы, и общество давно пользовалось широкими гражданскими и политическими свободами, в Российской империи сохранялось самодержавие и крепостное право.

И все же николаевское царствование вошло в историю не только как период тридцатилетнего застоя, но как масштабная и переломная эпоха кануна Великих реформ. В эти годы реформаторство в России, безусловно, не затрагивавшее самодержавных основ государственной власти, продолжало эволюционировать и усложняться. В то же время развивалось, принимая разные формы и исходя от различных социальных групп, и общественное движение. Даже по мнению такого яркого оппонента Николая I, как А. И. Герцен, «с виду Россия продолжала стоять на месте, даже, казалось, шла назад, но, в сущности, все принимало новый облик, вопросы становились все более сложными, а их решения — менее простыми»¹.

Во многом стагнационные явления, усилившиеся в царствование Николая I, были обусловлены характерными чертами личности императора и определенным примитивизмом его политического мировоззрения. По своему психотипу и мировоззренческим принципам Николай Павлович был «практиком» и консерваторм,

---

¹ Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30 т. М., 1955. Т. XI. С. 309.

а его важнейшей чертой как государственного деятеля были непоколебимая верность раз усвоенным взглядам и крайнее доктринерство, мешавшие ему видеть явления в их эволюционном движении. В силу этого при Николае I принцип личной неограниченной власти монарха был доведен до последней черты и оказался реализован полностью, произошел отход от гибкой и маневренной политики его предшественника. К тому же практический склад ума Николая Павловича, стремление императора к военной субординации и порядку определили степень его личного участия в функционировании государственного аппарата. Авторы-составители стремились показать Николая I как человека и государя, продемонстрировать взаимосвязь его характера и принципов государственного управления на основе новых документов и путем их сопоставления с уже известными материалами.

Николай I, взойдя на трон сквозь ряды «мятежников» на Сенатской площади, безусловно, осознавал, что выступление декабристов отражало общественное недовольство, что их желание перемен и реформ имело глубокие социально-политические основания. Поэтому при всем внешнем, официальном отношении к Александру I как к «освободителю Европы» и «ангелу» Императорского дома в политической концепции нового царствования присутствовала скрытая критика недостатков последнего периода предыдущего правления. Проблема революции и реформ — одна из центральных в настоящем издании. Авторы-составители не ставили перед собой задачи оценить с позиций современного научного видения такое сложное историческое явление, как «военная революция», но полагали, что материал, опубликованный в данной книге, будет способствовать более глубокому пониманию причин 14 декабря 1825 г. и выявлению последствий этого события. Документы, впервые вводимые в научный оборот, также дадут возможность проследить пути «рассеяния» в русской общественной мысли конца 1820—30-х гг. радикально-революционных идей и усиления в ней либерально-реформаторских тенденций.

Отказ Александра I от политики реформ способствовал усилению кризисных явлений. Николаевская модель абсолютизма, являя собой логическое продолжение линии, начатой еще в последний период предыдущего правления, во многом отличалась от александровской. Это выражалось в стремлении Николая I согласовать традиционалистские и западнические начала и стабилизировать самодержавную систему путем усиления единства идеологии и практики государственного консерватизма. Понимая реформы как компромисс между прошлым и будущим, а не уничтожение первого во имя второго, император строил политическую концепцию нового царствования с учетом «наследия» Александра I и декабристов. Важнейшими задачами правительственной политики были поставлены — формирование правовой основы абсолютизма и сословной структуры государства, совершенствование системы управления, подготовка крестьянской реформы. Думается, что документы, включенные в настоящее издание, и комментарии к ним расширят рамки исследовательских представлений о механизме государственной власти в России, о главных проблемах внутреннего строя страны, а также добавят новые штрихи к «портрету» российской бюрократии николаевского царствования.

Правление Николая I пришлось на особое время, когда совершенно четко обозначились три пути в движении вперед. Мощным толчком к созданию в лоне

государственной власти теории, традиционно называемой «теорией официальной народности», и к оформлению в русской общественной мысли основных положений либерального направления в концепциях славянофильства и западничества явилось использование декабристами западной модели политического радикализма. При этом 14 декабря 1825 г. не только породило недоверие императора к высшему обществу, возвращенному на традициях европейской цивилизации, но и заставило отойти от основных принципов общеевропейского «дома» и отказаться от александровского космополитизма. Главной задачей государственной политики Николай I поставил борьбу против западных революционно-либеральных влияний. Собственное понимание интересов государства, общества, личности и инстинкт самосохранения заставляли императора поддерживать «устаревшие» абсолютистские «режимы» в Европе, а в самой России усиливать охранительные тенденции в государственной идеологии и внутренней политике, формировать общественное мнение в «видах правительства». Это приводило к нарастанию изоляции Российской империи от Западной Европы. Польское восстание, европейские революции 1830 г. и 1848 г., а также страх перед «язвами пролетариата» и социальными проблемами, возникающими в конституционных государствах, способствовали еще большему усилению изоляционистских тенденций. Сохранение же самодержавия и крепостного права приводило к усилению и общественной полемики вокруг тезиса об «особых исторических путях» России. Новое звучание в 1830-х гг. получила карамзинская концепция, в основе которой лежало положение об отрицании тождества и повторяемости социально-политических процессов, происходивших и происходящих в России и в Европе. Проблема самобытного пути и вопрос о европейской интеграции, нашедшие отражение в государственной идеологии и общественном сознании эпохи, представлены в данном издании архивными документами, которые по-новому освещают, казалось бы, известные исторические факты и явления.

Тема «Россия и Запад» в мировоззрении Николая I была тесно связана с конституционным вопросом. Но если жизненный и политический опыт со временем усиливал консервативные тенденции во взглядах императора на проблему национальной самобытности России, то его отношение к конституции было неизменным. «Рыцарь идеи самодержавия», по словам И. И. Горбачевского, Николай Павлович не раз говорил, что «для государства и нации нет благополучия вне принципа самодержавия», и демонстрировал свое отрицательное отношение к конституционной форме правления: «Это нелепая форма правления, изобретенная мошенниками и интриганами для самих себя». Более приемлемой ему представлялась даже республика. «Если бы я был частным лицом, то, выбирая для себя и своей семьи страну проживания, выбрал бы страну с подобной формой правления, поскольку она предоставляет наибольшие гарантии и безопасность», — говорил Николай I П. Д. Киселеву¹. Однако республика, по мнению императора, подходила не для всех стран: «Она может быть прекрасна для одних и опасна для других, поэтому нужно довольствоваться тем, что освящено временем»². Таким

---

¹ Киселев П. Д. Записка о государе Николае Павловиче: РГИА. Ф. 1623. Оп. 1. Д. 904. Л. 10 (пер. с фр.).

² Там же. Л. 11.

образом, для Николая I проблема конституционализма была крепко связана с проповедью самобытности. Вся логика его построений сводилась к одному главному тезису — тип развития российской государственности всегда так сильно отличался от европейского, что и в данный момент более прогрессивные формы правления не могут быть приемлемы для России и даже становятся опасны. Кроме этого, поражение представителей политического радикализма способствовало тому, что в правительственных программах, а также в проектах и предложениях, исходящих из общественной среды, все политические вопросы были подчинены социальным проблемам. Поэтому крестьянская и административная реформы, а также завершение кодификационного процесса становились для императора более насущными, чем борьба за конституционализм.

Правительственные реформаторские поиски наиболее отчетливо проявились в крестьянском вопросе, особенно в первое пятнадцатилетие правления Николая I. Великую крестьянскую реформу, являвшуюся идеологическим продолжением «дней александровых прекрасного начала», в политическом и практическом аспекте можно считать следствием первого «реформаторского» периода николаевского царствования. Ведь в 1826—40-х гг. преобразовательный процесс, пусть даже не в полном объеме, но все же продолжался. Паллиативный же характер первых подступов к реформе был связан со сложностью практической реализации коренных преобразований в аграрной сфере. Система крепостничества, называемая императором «злом, для всех ощутительным и очевидным», а потому требующим безусловного уничтожения, одновременно воспринималась им как «историческое наследие», являющееся основой российской государственности. «Настоящее положение таково, — говорил Николай I на одном из заседаний Секретного комитета 1835 г., — что не может продолжаться, но решительные к прекращению оно меры без общего потрясения невозможны»¹. К тому же, политический багаж предыдущего правления и влияние на Николая Павловича господствовавших в сановной среде мнений, что крепостное право уничтожится постепенно, «мерами паллиативного свойства», приводили к тому, что император избрал для себя путь разделения общей проблемы крепостничества на отдельные задачи, которые решались властью постепенным и незначительным ограничением крепостных прав.

Умеренный характер реформы государственных крестьян, в первую очередь, был связан с воздействием на ход ее реализации взглядов видных сановников империи (Е. Ф. Канкрин, П. Д. Киселева, С. С. Уварова и др.). Не последнюю роль сыграли и доводы представителей общественного мнения — А. С. Пушкина, П. А. Вяземского, В. Ф. Одоевского, С. П. Шевырева, М. П. Погодина, стремившихся воздействовать на верховную власть посредством записок на Высочайшее имя и периодической печати. Сложившаяся в среде дворянских интеллектуалов либерально-консервативная концепция развития России сводилась к следующим главным положениям: при настоящих условиях и в силу социально-экономической отсталости страны социальное переустройство может быть осуществлено только правительством путем постепенного разрешения проблемы и посредством подготовительных экономических преобразований и предварительного просвеще-

---

¹ Цит. по: *Пресняков А. Е.* Самодержавие Николая I // Русское прошлое. 1923. № 2. С. 10.

ния народа. Николай I, на имя которого поступало большое число Всеподданнейших докладов и записок от государственных деятелей, Всеподданнейших писем от известных литераторов и журналистов и неизвестных чиновников и помещиков, должен был прислушаться к мнению «первенствующего» сословия страны, которое сводилось к главной мысли: «Россия не готова к крестьянской реформе!». Умеренность правительственных преобразовательных поисков решения аграрного вопроса во многом была обусловлена финансовыми трудностями, поскольку у казны, как всегда, не было денег для его решения. Таким образом, в условиях всеобщей потребности обновления, для осуществления крестьянской реформы была необходима продолжительная отсрочка. Политическое благоразумие требовало сначала подготовить идеологическую и финансовую основу для коренных преобразований. Думается, архивные материалы данного сборника помогут проследить эволюцию позиции Николая I по этому вопросу, понять логику и механизм принятия правительственных решений.

Одной из важнейших составляющих политической концепции Николая I, которой были подчинены задачи царствования, являлось расширение и упрочение имперской системы. Однако территориальный рост империи в результате кровопролитных кавказских войн и среднеазиатских походов усугублял тяжелое экономическое положение России, которая постепенно теряла военную мощь и свое влияние в мире. Необходимы были силы и ресурсы для решения важнейших внешне- и внутривосточных проблем — в первую очередь, крестьянской, военной и экономической. Вмешательство же Российской империи в европейские дела после революции 1848 г. еще более подорвало ее международный престиж и ослабило внутренние ресурсы государства. Но несмотря на это, именно с задачами укрепления и расширения империи было связано развитие торговли, промышленности, просвещения, фундаментальных и прикладных наук.

Тридцатилетие царствования Николая I — время резких противоречий. С одной стороны, этот период характеризуется стагнационными процессами в социально-экономической и военной сферах, подавлением общественного движения и всякого инакомыслия, а с другой — именно при Николае I была осуществлена кодификация законов, проведена реформа устройства и управления казенных крестьян, произведена реорганизация высших государственных учреждений. Безусловно, все эти преобразования были подчинены главной цели — усилению самодержавия, которое рассматривалось императором как гарантия стабильности государственного строя и общественной жизни. Кроме этого, николаевская тактика постепенного эволюционного развития страны в эпоху бурного промышленного подъема в Европе уже была неэффективной. Таким образом, Россия теряла время, отпущенное ей для кардинальных реформ. Ведь даже самые благие замыслы теряют свою значимость и обречены на неудачу, если они не реализованы вовремя.

Цель данной публикации — показать важнейшие события царствования Николая I глазами самого императора и его современников, продемонстрировать его личность и эпоху с разных точек зрения. Поэтому при формировании корпуса материалов для составителей приоритетными оказались документы личного происхождения: письма, дневниковые записи, воспоминания.

Данное издание имеет свою историю. В конце 1990-х гг. наш авторский

коллектив получил исследовательский грант РГНФ на этот проект. Были обследованы главные архивохранилища Москвы и Петербурга (ГАРФ, РГИА, ОР РНБ, РО ПД, Архив СПбИИ РАН), и выявлены различные материалы — официальные документы и источники личного происхождения. Имеющие неодинаковое научно-исследовательское значение, они были сгруппированы в два тома. Во второй том, который находится в стадии подготовки и будет называться «Николай I: Политика и государственная деятельность», войдут главным образом официальные материалы и аналитические записки, принадлежащие перу видных государственных деятелей и посвященные важнейшим проблемам царствования — кодификации, крестьянскому вопросу, имперской политике и т. д. В предлагаемый читателю первый том, имеющий название «Николай I: Личность и эпоха. Новые материалы», вошли документы личного происхождения: воспоминания, дневники, письма.

Несмотря на то, что в последние годы опубликовано несколько сборников документов, посвященных Николаю I и его времени¹, наша книга имеет целый ряд преимуществ перед этими изданиями. Во-первых, в отличие от других публикаций подобного рода, которые представляют собой лишь перепечатку материалов из дореволюционной периодики («Русской старины», «Русского архива» и др.), наша книга включает только архивные документы, впервые вводимые в научный оборот. Исключением являются лишь записки Николая I, которые впервые публикуются с археографическим введением и основательными комментариями. Во-вторых, 70% публикуемого корпуса — это тексты на французском языке, переведенные С. Н. Искулем. В-третьих, в основе концепции издания лежит проблемный принцип, т. е. каждый документ, вошедший в издание, дает представление о том или ином историческом событии или какой-то проблеме царствования. В-четвертых, формуляр наших комментариев включает: археографическую легенду (т. е. сведения о документе: место хранения, шифр, степень подлинности, вид документа — автограф, список, писарская копия), атрибуцию и датировку, а также исторические, научно-биографические и историографические комментарии.

Первый том состоит из введения, в котором дан общий взгляд на проблемы царствования и указаны принципы издания, и пяти частей. Первая и самая большая часть «Восшествие на престол» включает несколько разделов. В первый раздел «Наследие» вошли материалы, объединенные тремя основными проблемами конца царствования Александра I — политической и экономической стагнации конца 1820-х гг., усиления западных революционно-либеральных влияний на общество и армию, престолонаследия. Среди материалов, представленных в данном разделе, особый интерес представляют два документа. Во-первых, это глава «Шестой период царствования Александра Первого от 1818 года до 1825» из большой рукописи известного писателя и издателя «Русского вестника» С. Н. Глинки «Об обществах европейских и судьбе моего Отечества». В главе дана оценка последних семи лет царствования Александра I в аспекте деятельности тайных

---

¹ Николай Первый и его время: Документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков / Сост., вступ. ст. и коммент. Б. Н. Тарасова. М., 2000. Т. 1–2; Николай I: Муж. Отец. Император / Под ред. Н. И. Азаровой. М., 2000; Николай I. Николаевская эпоха. Слово русского царя. Апология русского рыцаря. Незабвенный / Подгот. изд. М. Д. Филина. М., 2002.

политических обществ. Во-вторых — Всеподданнейшая записка бывшего члена Союза благоденствия Н. И. Кутузова «О состоянии Российской империи в отношении ее внутреннего устройства». Поданная Николаю I 5 марта 1826 г., она содержит не только негативную оценку внутреннего состояния государства в последний период царствования Александра I, характерную для большей части передовой, мыслящей части русского общества того времени, но и глубокий анализ причин тяжелого социально-экономического положения страны. Как считал автор, причины такого «плачевного» состояния России в эти годы были связаны, прежде всего, с несовершенством государственного устройства и сохранением крепостничества.

По мнению современников, в том числе самих декабристов, события 14 декабря 1825 г. оказали значительное влияние на формирование политической концепции, принципа государственного управления и идеологической доктрины царствования Николая I. Поэтому логично, что второй и третий разделы первой части посвящены восстанию на Сенатской площади и его последствиям, т. е. суду и казни декабристов. В составе материалов этих разделов нужно особо выделить «Записку о декабристах», отложившуюся в Архиве СПбИИ РАН. Как оказалось, записка является черновым вариантом мемуаров С. П. Трубецкого, созданным им в 1846 г. В «Записке», имеющей много разночтений с классическим текстом, Трубецкой показывает основные этапы движения тайных политических обществ в России, дает яркую характеристику деятельности Северного общества в период междуцарствия и 14 декабря.

В эту же часть входит раздел «Коронация», в котором представлены как официальные материалы, так и источники личного происхождения. Документы дают представление о подготовке и проведении коронационных торжеств, которые проходили 22 августа 1826 г. в Москве.

Вторую часть под названием «Николай I: письма, резолюции, приказы, записки» составляют документы, исходящие от самого императора и дающие представление о его воззрениях на различные исторические события и проблемы царствования — казнь декабристов, холерный бунт, польское восстание, деятельность III Отделения, революцию в Германии 1848 г. и т. д. Из комплекса материалов, представленных в данной части, следует выделить «Инструкцию, данную Николаем I генерал-адъютанту П. Н. Игнатьеву при назначении его генерал-губернатором Витебской, Могилевской и Смоленской губерний. 2 июня 1853 г.», в которой ярко представлен взгляд императора на генерал-губернаторскую власть в России и в целом на функционирование бюрократического аппарата империи.

Третья часть «Николай I глазами современников» включает весьма интересные материалы: записки неизвестных лиц (о болезни Николая I в 1829 г. и пожаре в Зимнем дворце 1837 г.); отрывок из записок П. Д. Киселева о Николае Павловиче; заметку о царствовании Николая I Н. П. Мещерского; записку о характере правления за первые 12 лет царствования Николая I А. Ф. Воейкова.

Часть четвертая, «Император путешествует», в своем составе имеет материалы, посвященные ознакомительным путешествиям Николая I по России. Это — рассказ священника А. И. Трояновского о катастрофе в г. Чембаре в 1836 г., воспоминания коллежского советника Майера о посещении императором в 1840 г.

Киева, о приезде Николая I в 1840 г. в Москву на смотр войск, рассказ ямщика Г. Пахомова о случае из жизни Николая Павловича.

Пятая часть «Завещание Николая I, последние дни жизни, погребение» включает завещание императора, составленное им собственноручно в 1844 г., несколько записок современников, дающих свою интерпретацию причин болезни и обстоятельств смерти Николая Павловича, а также официальные документы об объявлении траура в стране и церемонии погребения.

В настоящем издании авторы избрали критический метод воспроизведения источников. Поэтому тексты приведены в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Конъектуры, сокращенные слова и инициалы (без фамилий) раскрываются в квадратных скобках. Варианты отмечены буквами латинского алфавита и даны под строкой. Немногочисленные примечания авторов обозначены римскими цифрами и также помещены под строкой; авторские подчеркивания оговариваются. Комментарии составителей обозначены арабским цифрами и вынесены в конец публикуемых текстов. Переводы иностранных текстов, сделанные д. и. н. С. Н. Искюлем, указаны звездочками и приводятся под строкой; при переводах целого документа язык оригинала не указывается.

Авторы-составители надеются, что представленное издание, включающее материалы и комментарии, объединенные общим идейным замыслом, будет способствовать более глубокому пониманию технологии власти в России, содействовать исследованию путей развития государства и общества в один из сложнейших периодов российской истории — в царствование Николая I.

Считаем своим приятным долгом выразить сердечную благодарность нашим институтским коллегам Т. Г. Смирновой, оказавшей помощь в сборе архивных материалов; д. и. н. А. К. Гаврилову и к. и. н. Н. Л. Корсаковой за помощь в переводе с иностранных языков. Неоценимую услугу при подготовке издания на всех ее этапах оказала М. Н. Румынская.

Ответственный составитель Т. В. Андреева

ЧАСТЬ I
ВОСШЕСТВИЕ
НА ПРЕСТОЛ

НАСЛЕДИЕ

Николай I

Записки. Тетради 1-ая и 2-ая «О наследии после императора
Александра I». [1831–1832 гг.]

Часто собирался я положить на бумагу краткое повествование тех странных обстоятельств, которые ознаменовали время кончины покойного моего благодетеля императора Александра¹ и мое вступление на степень, к которой столь мало вели меня и склонности и желания мои; степень, на которую я никогда не готовился² и, напротив, всегда со страхом взирал, глядя на тягость бремени, лежавшего на благодетеле моем, коему посвящено было все его время, все его познания, и за которое столь мало стяжал благодарности, по крайней мере, при жизни своей! Меня удерживало чувство, которое и теперь с трудом преодолеваю — боязнь быть дурно понятым. Я пишу не для света, — пишу для детей своих³; желаю, чтоб до них дошло в *настоящем виде* то, чему был я свидетель. Решаюсь на сие для того, что испытываю уже после *шести лет*, сколь время изглаживает истину и память таких дел и обстоятельств, кои важны, ибо дают *настоящее* объяснение *причинам* или *поводам* происшествий, от коих зависит участь, даже жизнь людей, более, честь их, скажу даже — участь царств. Буду говорить, как сам видел, чувствовал — от чистого сердца, от прямой души: иного языка не знаю.

1

Лишившись отца, остался я невступно пяти лет³; покойная моя родительница⁴, как нежнейшая мать, пеклась об нас двух с братом Михаилом Павловичем⁵, не щадя ничего, дабы дать нам воспитание, по ее убеждению, совершенное⁶. Мы поручены были как главному нашему наставнику генералу графу Ламздорфу⁷, человеку, пользовавшемуся всем доверием матушки; но кроме его находились при нас 6 других наставников, кои, дежуря посуточно при нас и сменяясь попеременно у нас обоих, носили звание кавалеров⁸. Сей порядок имел последствием, что из них иного мы любили, другого нет, но ни который без исключения не пользовался нашей доверенностью, и наши отношения к ним были более основаны на страхе или большей или меньшей смелости. Граф Ламздорф умел вселить в нас одно

---

³ Здесь и далее выделение Николая I.

чувство — страх, и такой страх и уверение в его всемогуществе, что лицо матушки было для нас *второе* в степени важности понятий. Сей порядок лишил нас совершенно счастья сыновнего доверия к родительнице, к которой допускаемы мы были редко одни, и то никогда иначе, как будто на приговор. Беспрестанная перемена окружающих лиц вселила в нас с младенчества привычку искать в них слабые стороны, дабы воспользоваться ими в смысле того, что по нашим желаниям нам нужно было, и должно признаться, что не без успеха⁹.

Генерал-адъютант Ушаков¹⁰ был тот, которого мы более всех любили, ибо он с нами никогда сурово не обходился, тогда как гр. Ламздорф и другие, ему подражая, употребляли строгость с запальчивостью, которая отнимала у нас и чувство вины своей, оставляя одну досаду за грубое обращение, а часто и незаслуженное. Одним словом — страх и искание, как избежать от наказания, более всего занимали мой ум.

В учении видел я одно принуждение и учился без охоты¹¹. Меня часто, и я думаю не без причины, обвиняли в лености и рассеянности, и нередко гр. Ламздорф меня наказывал тростником весьма больно среди самых уроков.

Таково было мое воспитание до 1809 года, где приняли другую методу. Матушка решила остаться зимовать в Гатчине, и с тем вместе учение наше приняло еще более важности: все время почти было обращено на оно¹². Латинский язык был тогда главным предметом, но врожденная неохота к оному¹³, в особенности, от известности, что учимся сему языку для посылки со временем в Лейпцигский университет, сделала сие учение напрасным. Успехов я не оказывал, за что часто строго был наказываем, хотя уже не телесно. Математика, потом артиллерия и в особенности инженерная наука и тактика привлекали меня исключительно; успехи по сей части оказывал я особенные, и тогда я получил охоту служить по инженерной части¹⁴.

Мы редко видали государя Александра Павловича¹⁵, но всегда любили его, как ангела своего покровителя, ибо он к нам всегда был особенно ласков. Брата Константина Павловича¹⁶ видали мы еще реже, но столь же сердечно любили, ибо он как будто входил в наше положение, имел гр. Ламздорфа кавалером в свое младенчество.

Наконец, настал 1812 год; сей роковой год изменил и наше положение. Мне минуло уже 16 лет, и отъезд государя в армию был для нас двоих ударом жестоким, ибо мы чувствовали сильно, что и в нас бились русские сердца, и душа наша стремилась за ним! Но матушке неугодно было даровать нам сего счастья¹⁷. Мы остались, но все приняло округ нас другой оборот; всякий помышлял об общем деле; и нам стало легче. Все мысли наши были в армии; ученье шло, как могло, среди беспрестанных тревог и известий из армии. Одни военные науки занимали меня страстно, в них одних находил я утешение и приятное занятие, сходное с расположением моего духа. Наступил 1813 год, и мне минуло 17 лет; но меня не отпускали. В это время в первый раз случайно узнал я от сестры Анны Павловны¹⁸, с которой мы были очень дружны, что государь, быв в Шлезии, видел семью короля прусского, что старшая дочь его, принцесса Шарлота, ему понравилась, и что в намерениях его было, чтоб мы когда-нибудь с ней увиделись¹⁹.

Наконец, неотступные наши просьбы и пример детей короля прусского подей-

ствовали на матушку, и в 1814 году получили мы дозволение отправиться в армию. Радости нашей, лучше сказать сумасшествия, я описать не могу; мы начали жить и точно перешагнули одним разом из ребячества в свет, в жизнь.

7-го февраля отправились мы с братом Михаилом Павловичем в желанный путь²⁰. Нас сопровождал гр. Ламздорф и из кавалеров, при нас бывших, Саврасов, Ушаков, Арсеньев и Алединский, равно инженерный полковник Джанотти^b, военный наш наставник. Мы ехали не по нашему желанию, но по прихотливым распоряжениям гр. Ламздорфа, который останавливался, где ему вздумывалось, и таким образом довез нас в Берлин чрез 17 дней! Тяжелое испытание при нашем справедливом нетерпении! Тут, в Берлине, провидением назначено было решиться счастью^c всей моей будущности: здесь увидел я в первый [раз] ту, которая по собственному моему выбору с первого раза возбудила во мне желание принадлежать ей на всю жизнь; — и Бог благословил сие желание шестнадцатилетним семейным блаженством²¹.

Пробыв одни сутки в Берлине, повезли нас с теми же расстановками чрез Лейпциг, Веймар, где мы имели свидание с сестрой Марией Павловной²², потом далее на Франкфурт-на-Майне. Здесь, несмотря на быстрые успехи армий наших, отнимавшие у нас надежду поспеть еще к концу кампании, те же нас встретили остановки, и терпение наше страдало несколько дней. Наконец, повезли нас на Бруксаль, где жила тогда императрица Елисавета Алексеевна²³, на Раштад, Фрейбург в Базель. Здесь услышали мы первые неприятельские выстрелы, ибо австрийцы с баварцами осаждали близлежащую крепость Гюнинген²⁴. Наконец, въехали мы чрез Альткирх в пределы Франции и достигли хвоста армии в Везуле в то самое время, когда Наполеон сделал большое движение на левый наш фланг. В этот роковой для нас день прибывший флигель-адъютант Клейнмихель²⁵ к стоявшему при нас генерал-адъютанту Коновницыну²⁶, высланному к нам навстречу во Франкфурт, привез нам государево повеление возвратиться в Базель²⁷.

Можно себе вообразить наше отчаяние!

Повезли нас обратно той же дорогой в Базель, где мы прожили более двух недель и съездили в Шафгаузен и Цюрих, вместо столь желанного нахождения при армии, при лице государя. Хотя сему уже прошло 18 лет, но живо еще во мне то чувство грусти, которое тогда нами одолело и в век не изгладится. Мы в Базеле узнали, что Париж взят и Наполеон изгнан на остров Эльбу. Наконец получено приказание нам прибыть в Париж²⁸, и мы отправились на Кольмар, Нанси, Шион и Мо.

2

О наследии после императора Александра I²⁹

В лето 1819-го года находился я в свою очередь с командуемою мной тогда 2-й гвардейской бригадой в лагере под Красным Селом³⁰. Пред выступлением из оногo было моей бригаде линейное ученье, кончившееся малым маневром в присутствии

---

^b В рукописи — Жианотти.

^c Исправлено из: «участи».

императора. Государь был доволен и милостив до крайности. После ученья пожаловал он к жене моей³¹ обедать; за столом мы были только трое. Разговор во время обеда был самый дружеский, но принял вдруг самый неожиданный для нас оборот, потрясший навсегда мечту нашей спокойной будущности³². Вот в коротких словах смысл сего достопамятного разговора.

Государь начал говорить, что он с радостью видит наше семейное блаженство (тогда был у нас один старший сын Александр³³, и жена моя была беременна старшей дочерью Мариєю³⁴); что он счастья сего никогда не знал, вина себя в связи, которую имел в молодости; что ни он, ни брат Константин Павлович не были воспитаны так, чтоб уметь ценить с молодости сие счастье; что последствия для обоих были^d, что ни один, ни другой не имели детей, которых бы признать могли³⁵, и что сие чувство самое для него тяжелое. Что он чувствует, что силы его ослабевают; что в нашем веке государям, кроме других качеств, нужна физическая сила и здоровье для перенесения больших и постоянных трудов; что скоро он лишится потребных сил, чтоб по совести исполнять свой долг, как он его разумеет; и что потому он решился, ибо сие считает долгом, отречься от правления с той минуты, когда почувствует сему время³⁶. Что он неоднократно о том говорил брату Константину Павловичу, который, быв одних с ним почти лет, в тех же семейных обстоятельствах, притом имея природное отвращение к сему месту, решительно не хочет ему наследовать на престоле³⁷, тем более, что они оба видят в нас знак благодати Божией, дарованного нам сына. Что поэтому мы должны знать наперед, что мы призываемся на сие достоинство.

Мы были поражены как громом³⁸. В слезах, в рыдании от сей ужасной неожиданной вести мы молчали! Наконец государь, видя, какое глубокое, терзающее впечатление слова его произвели, сжалился над нами и с ангельскою, ему одному свойственную ласкою, начал нас успокаивать и утешать, начав с того, что минута сему ужасному для нас перевороту еще не настала и не так скоро настанет, что может быть лет десять еще до оной, но что мы должны заблаговременно только привыкать к сей будущности неизбежной.

Тут я осмелился ему сказать, что я себя никогда на это не готовил и не чувствую в себе [ни] сил, ни духу на столь великое дело; что одна мысль, одно желание было — служить ему изо^e всей души и сил, и разумения моего в кругу поручаемых мне должностей; что мысли мои даже дальше не достигают.

Дружески отвечал мне он, что, когда вступил на престол, он в том же был положении; что ему было тем еще труднее, что нашел дела в совершенном запущении от совершенного отсутствия всякого основного правила и порядка в ходе правительственных дел; ибо хотя при императрице Екатерине³⁹ в последние годы порядку было мало, но все держалось еще привычками; но при восшествии на престол родителя нашего⁴⁰ совершенное изменение прежнего вошло в правило: весь прежний порядок нарушился, не заменяясь ничем⁴¹. Что с восшествия на престол государя по сей части много сделано к улучшению, и всему дано законное течение⁴²; и что потому я найду все в порядке, который мне останется только удерживать.

---

^d Далее зачеркнуто: «те».

^e Исправлено из: «от».

Кончился сей разговор; государь уехал, но мы с женой остались в положении, которое уподобить могу только тому ощущению, которое, полагаю, поразит человека, идущего спокойно по приятной дороге, усеянной цветами, и с которой всюду открываются приятнейшие виды, когда вдруг разверзается^f под ногами пропасть, в которую непреодолимая сила ввергает его, не давая отступить или воротиться. Вот — совершенное изображение нашего ужасного положения.

С тех пор часто государь в разговорах намекал нам про сей предмет, но не распространяясь более об оном; а мы всячески старались избегать оно́го. Матушка с 1822-го года начала нам про то же говорить, упоминая о каком-то акте, который будто бы братом Константином Павловичем был учинен для отречения в нашу пользу, и спрашивала, не показывал ли нам оный государь⁴³.

Весной 1825-го [года] был здесь принц Оранский⁴⁴; ему государь открыл свои намерения, и на друга моего сделали они то же ужасное впечатление. С пламенным сердцем старался он сперва на словах, потом письменно доказывать, сколь мысль отречения от правления могла быть пагубна для империи; какой опасный пример подавала в наш железный век, где каждый шаг принимают предпочтительно с дурной стороны. Все было напрасно: милостиво, но твердо отверг государь все моления благороднейшей души⁴⁵.

Наконец, настала осень 1825-го года, с нею — и отъезд государя в Таганрог. 30-го августа был я столь счастлив, что государь взял меня с собою в коляску, ехав и возвращаясь из Невского монастыря⁴⁶, государь был пасмурен, но снисходителен до крайности. В тот же день я должен был ехать в Бобруйск на инспекцию⁴⁷, государь меня предварил, что хотел нам приобрести и подарить Мятлеву дачу, но что просили цену несбыточную, и что он, по желанию нашему, жалует нам место близ Петергофа, где ныне дача жены моей Александрия⁴⁸.

Обед был в новом дворце брата Михаила Павловича, который в тот же день был освящен⁴⁹. Здесь я простился навсегда с государем, моим благодетелем, и с императрицею Елисаветой Алексеевной⁵⁰.

Дабы сделать яснее то, что мне описать остается, нужно сперва обратиться к другому предмету.

До 1818-го года не был я занят ничем; все мое знакомство с светом ограничивалось ежедневным ожиданием в передних или секретарской комнате, где, подобно бирже, собирались ежедневно в 10 часов все генерал-адъютанты, флигель-адъютанты, гвардейские и приезжие генералы и другие знатные лица, имевшие допуск к государю. В сем шумном собрании проходили^g мы час, иногда и более, доколь не призывался к государю военный генерал-губернатор с комендантом и вслед за сим все генерал-адъютанты и адъютанты с рапортами, и мы с ними, и представлялись фельдфебели и вестовые. От нечего делать вошло в привычку, что в сем собрании делались дела по гвардии, но большую частью время проходило в шутках и насмешках насчет ближнего; бывали и интриги. В то же время вся молодежь, адъютанты, а часто и офицеры ждали в коридорах, теряя время или употребляя оно для развлечения почти так же и не щадя [ни] начальников, ни правительство.

---

^f Исправлено из: «открывается».

^g Так в оригинале.

Долго я видел и не понимал; сперва родилось удивление, наконец, и я смеялся, потом начал замечать, многое видел, многое понял; многих узнал — и в редком обманулся. Время сие было *потерей временно*^h, но и драгоценной практикой для познания людей и лиц, и я сим воспользовался⁵¹.

Осенью 1818-го года государю угодно было сделать мне милость, назначив командиром 2 бригады 1 гвардейской дивизии, т. е. Измайловским и Егерским полками. За несколько пред тем месяцев вступил я в управление Инженерной частию⁵².

Только что вступил я в командование бригады, государь, императрица и матушка уехали в чужие края; тогда был конгресс в Ахене⁵³. Я остался с женой и сыном одни в России из всей семьи. Итак, при самом моем вступлении в службу, где мне наинужнее было иметь наставника, брата благодетеля, оставлен был я один с пламенным усердием, но с совершенною неопытностью.

Я начал знакомиться с своей командой и не замедлил убедиться, что служба шла везде совершенно иначе, чем слышал волю моего государя, чем сам полагал, разумел ее, ибо правила оной были в нас твердо влиты. Я начал взыскивать, но взыскивал один, ибо что я по долгу совести порочил, дозволялось везде даже моими начальниками. Положение было самое трудное; действовать иначе было противно моей совести и долгу; но сим я явно ставил и начальников, и подчиненных против себя, тем более что меня не знали, и многие или не понимали, или не хотели понимать⁵⁴.

Корпусом начальствовал тогда генерал-адъютант Васильчиков⁵⁵, к нему я прибежал, ибо ему поручен был как начальнику покойной матушкой⁵⁶. Часто изъяснял ему свое затруднение, он входил в мое положение, во многом соглашался и советами исправлял мои понятия. Но сего не доставало, чтоб поправить дело; даже решительно сказать можно — не зависело более от генерал-адъютанта Васильчикова исправить порядок службы, распушенный, испорченный до невероятности с самого 1814 года, когда, по возвращении из Франции, гвардия осталась в продолжительное отсутствие государя под начальством графа Милорадовича⁵⁷. В сие-то время и без того уже расстроенный трехгодичным походом порядок совершенно разрушился; и к довершению всего дозволена была офицерам носка фраков. — Было время (поверит ли кто сему), что офицеры езжали на ученье во фраках, накинув шинель и надев форменную шляпу. Подчиненность исчезла и сохранилась только во фронте; уважение к начальникам исчезло совершенно, и служба была одно слово, ибо не было ни правил, ни порядка, а все делалось совершенно произвольно и как бы поневоле, дабы только жить со дня на день⁵⁸.

В сем-то положении застал я и свою бригаду, хотя с малыми оттенками, ибо сие зависело и от большей или меньшей строгости начальников. По мере того как начинал я знакомиться со своими подчиненными и видеть происходившее в прочих полках, я возымел мысль, что под сим, т. е. военным распутством, крылось что-то важнее; и мысль сия постоянно у меня оставалась источником строгих наблюдений⁵⁹. Вскоре заметил я, что офицеры делились на три разбора: на искренно усердных и знающих; на добрых малых, но запущенных и оттого не

---

^h Так в оригинале.

знающих; и на решительно дурных, т. е. говорунов дерзких, ленивых и совершенно вредных⁶⁰, на сих-то последних налег я без милосердия и всячески старался [от] оных избавиться, что мне и удалось. Но дело сие было нелегкое, ибо сии-то люди составляли как бы цепь чрез все полки и в обществе имели покровителей¹, коих сильное влияние оказывалось всякий раз теми нелепыми слухами и теми неприятностями, которыми удаление их из полков мне отплачивалось.

Государь возвратился из Ахена в конце года, и тогда в первый раз удостоился я доброго отзыва моего начальства и милостивого моего благодетеля, которого один благосклонный взгляд вселял бодрость и счастье. С новым усердием я принялся за дело, но продолжал видеть то же округ себя, что меня изумляло, и чему я тщетно искал причину⁶¹.

Публикуется по: Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи / Подгот. к печати Б. Е. Сыроечковского. М.; Л., 1926. С. 11–16. Собственноручные записки Николая I, отложившиеся в коллекции Рукописного отдела Библиотеки Зимнего дворца Государственного архива Российской Федерации (Ф. 728. Оп. 1. Д. 1394. Л. 1–31), были опубликованы несколько раз. Составители вновь предлагают их читателю, поскольку они впервые приводятся с обширными комментариями. Записки представляют собой рукопись, писанную карандашом почерком Николая I и состоящую из четырех тетрадей. Описание тетрадей приводится в издании Б. Е. Сыроечковского. Это первое академическое издание записок, в котором они воспроизводятся в полном составе, сверены с оригиналами, даны в вариантах, что позволило составителям положить именно его в основу данной публикации. По мнению Сыроечковского, исследовавшего внешний вид рукописи, проведенного ее текстологического анализа и выявившего историю создания, она состоит из трех разновременных по происхождению частей, составленных в три этапа — в 1831, 1835 и 1848 годах. Первая часть, включающая тетради 1-ю и 2-ю, названную самим Николаем I «О наследии после императора Александра I», датируется 1831–1832 гг. Вторая часть, т. е. тетрадь 3-я, составлена в 1835 г., и третья — с тетрадь 4-ой — относится к 1848 г. (*Сыроечковский Б. Е.* Записки Николая I о вступлении его на престол // *Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах царской семьи.* М.; Л., 1926. С. 9–10).

Датировка первой части записок основана на указаниях самого Николая I, что он приступил к их написанию «после шести лет» с момента описываемых им событий 1825 г., т. е. в 1831 г. Кроме этого, рассказывая о событиях 1814 г., император подчеркивал, что «уже прошло 18 лет» со времени, о котором ведется речь (см. наст. изд., с. 13, 15). Это указывает на 1832 год. Данные сведения мемуариста подтверждаются свидетельствами Модеста Андреевича Корфа, который пишет, что 16 декабря 1847 г. наследник Александр Николаевич, присутствовавший вместо больного императора на занятиях курса правоведения Корфа великому князю Константину Николаевичу, передал историку неизвестные ранее документы и сообщил: «Это личные воспоминания батюшки, положенные им на

---

¹ Исправлено из: «протекторов».

бумагу в два приема в 1831 и 1835 годах. Вот записка, вся собственная его руки карандашом, и вот копия чернилами, списанная нами» (т. е. Александром Николаевичем и Марией Николаевной — *сост.*) (*Корф М. А. Историческая записка о происхождении и издании кн. «Восшествие на престол императора Николая I».* СПб., 1857: ОР РНБ. Ф. 380 (М. А. Корф). Д. 51. Л. 1–3).

Речь идет о 2-ой и 3-ей тетрадах, которые использовались М. А. Корфом для написания его труда. Это подтверждает и тот факт, что в фонде Корфа отложились две писарские копии 3-ей тетради записок императора. На одной из них есть собственноручная резолюция Александра II: «стоит того, чтобы было тоже включено», а на другой — помета Корфа: «выписки из собственноручной записки императора Николая I, начатой им в 1831-м году и дописанной в 1835-м для августейшего своего семейства, о событиях 14 декабря 1825-го года» (Там же. Д. 63. Л. 1; Д. 107. Л. 2). Таким образом, можно предположить, что в 1831 г. Николай I начал работать сразу над двумя частями своего мемуарного текста, состоящими из трех тетрадей. В 1831–1832 гг. были написаны 1-я и 2-я тетради. Первая, посвященная детским и юношеским годам, системе воспитания и обучения, Отечественной войне 1812 г. и кампаниям 1814 г., заграничным путешествиям и встрече с будущей женой, — довольно лаконична и носит весьма поверхностный характер. Основной сюжет тетради 2-й «О наследии после императора Александра I», на котором строится вся логика создаваемой Николаем I версии о случайности и неожиданности его прихода к власти, — знаменитый разговор Александра I с великокняжеской четой летом 1819 г. в Красном Селе. Именно тогда император признался брату, в присутствии жены Николая, что намерен отречься от престола и передать со временем власть ему.

Безусловно, центральное место по значению и объему в записках Николая I занимают описание и анализ военного выступления 14 декабря 1825 г., предшествующих ему событий и последующих арестов, первых допросов «злоумышленников». Этим сюжетам посвящены 3-я и 4-я тетради.

Как уже отмечалось, работа над 3-ей тетрадью, т. е. второй частью записок, началась в 1831 г., после перерыва была продолжена и завершена в 1835 г. Эта дата находит подтверждение в указании самого Николая I, что «и ныне после 10 лет» он считает свою «жертву» в 1825 г. более тяжелой «в моральном, в справедливом смысле», чем «жертва» великого князя Константина Павловича, отказавшегося от престола. Итак, в 1835 г. император вновь вернулся к своим воспоминаниям о происшествии накануне трагических событий на Сенатской площади, самом ходе восстания и его подавлении.

Согласно дневниковым записям М. А. Корфа, ему было известно о существовании этой части записок Николая I еще в 1843 г. (Записки Николая I // Русская старина. 1899. № 7. С. 29; № 9. С. 498; № 11. С. 273). Весной 1847 г. Корф получил ее от цесаревича. Однако, исполняя волю Николая I, считавшего невозможным «огласить это описание в общее сведение», Модест Андреевич так и не включил текст 3-ей тетради полностью в свою книгу, хотя использовал заключенную в ней информацию (см.: *Корф М. А. Восшествие на престол императора Николая I.* Изд. IV. Второе для публики. СПб., 1857. С. IV). Возможно, историк намеревался это сделать в следующем издании своей книги, о чем свидетельствует его марги-

налия на последнем листе одного из вариантов писарской копии 3-ей тетради: «Сшив, хранить при делах впредь до моего востребования. 17 января 1859 г.» (ОР РНБ. Ф. 380. Д. 107. Л. 6).

4-я тетрадь, т. е. третья часть записок Николая I, с описанием ночи с 14 на 15 декабря 1825 г., арестов и первых допросов декабристов после восстания, была написана императором в январе–феврале 1848 г. В обосновании датировки тетради лежат дневники и записки М. А. Корфа. В дневниковой записи от 20 февраля 1848 г. отмечается, что во время бала у главноуправляющего путями сообщения П. А. Клейнмихеля Николай I, заговорив об «Историческом описании 14 декабря 1825 года и предшедших ему событиях», сказал, что прочел его с большим удовольствием и «написал и еще несколько листов о дальнейших происшествиях, но... уже только более для памяти в семье» (*Корф М. А. Историческая записка о происхождении и издании кн. «Восшествие на престол императора Николая I»*. Л. 1–6). Немного ранее, в январе, цесаревич Александр Николаевич говорил Корфу о новой записке императора, касающейся событий бурной ночи после восстания (Барон Модест Корф. Записки. М., 2003. С. 400–401). Следовательно, можно предположить, что эта часть записок была составлена императором в январе–феврале 1848 г.

Первая часть записок Николая I, состоящая из двух первых тетрадей, начинается маленьким вступлением («Часто собирался я положить на бумагу краткое повествование...») и заканчивается возвращением Александра I из Ахена с конгресса Священного союза в ноябре 1818 г. Вторая часть, в составе 3-й тетради, сразу вводит читателя в сложную политическую атмосферу накануне декабристского восстания. Таким образом, логично предположить, что существовала еще одна часть записок Николая I, которая соединяла повествование и должна была занять место между 2-й и 3-й (а по сути 4-й) тетрадями, т. е. являлась 3-й тетрадью. Действительно, согласно свидетельству М. А. Корфа, имелась еще одна часть записок императора, в которой рассказывалось о получении Петербургским двором известия о смерти Александра I и перипетиях, связанных с принесением присяги Константину Павловичу. Однако эти воспоминания Николая Павловича, освещающие события, предшествовавшие выступлению декабристов, и демонстрирующие его взгляды на кризис междуцарствия, были утеряны. «Здесь, к сожалению, записка прерывается и переходит прямо в середину описания происшествий 14 декабря. Недоставших, написанных, но куда-то заложенных или затерянных листов император Николай никогда не мог отыскать, и они не нашлись и после его кончины», — отмечено рукой М. А. Корфа на последней странице писарской копии 3-й тетради записок Николая I, отложившейся в фонде историка (ОР РНБ. Ф. 380. Д. 63. Л. 18).

Записки Николая I использовались еще дореволюционными историками. Пересказ этих документов можно найти в книге М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I» (Изд. IV. Второе для публики. СПб., 1857). Фрагментарно они приводились в труде Н. К. Шильдера «Император Николай Первый: Его жизнь и царствование» (СПб., 1903. Т. 1. С. 122–123, 148–150, 226–228, 234, 243–244, 248, 264). В начале XX в. П. Е. Щеголев дважды опубликовал 3-ю тетрадь в «Былом» (Из записок императора Николая I // Былое. 1907. № 10. С. 76–88) и своей книге

«Николай I и декабристы» (Пг., 1919. Приложение. С. 44–62). В 1924 г. в «Красном архиве» П. Е. Щеголев издал 4-ю тетрадь.

Как уже отмечалось, впервые в полном объеме все записки Николая I были воспроизведены Б. Е. Сыроечковским по оригиналам, отложившимся в коллекции Рукописного отдела Библиотеки Зимнего дворца, в книге «Междоусобица 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи» (М.; Л., 1926). Именно это издание содержало документы, которые отсутствовали в более ранних публикациях: впервые здесь были напечатаны вступление к запискам и 1-я тетрадь.

Почти через 70 лет собственноручные записки Николая I (тетради 2-я, 3-я и 4-я) были вновь воспроизведены по автографам, хранящимся в ГАРФ (Ф. 728. Оп. 1. Д. 1394. Л. 4–31), в публикации «14 декабря 1825 года и его истолкователи (Герцен и Огарев против барона Корфа)» (М., 1994. С. 317–241), подготовленной Е. Л. Рудницкой и А. Г. Тартаковским. В 2000 г. все четыре тетради вновь были опубликованы в двух изданиях: Николай Первый и его время: Документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков / Сост., вступит. ст. и коммент. Б. Н. Тарасова. М., 2000. Т. 1. С. 81–112; Николай I: Муж. Отец. Император / Сост. и предисл. Н. И. Азаровой. М., 2000.

В настоящем издании все записки Николая I (тетради 1-я, 2-я, 3-я, 4-я) впервые печатаются с обширным комментарием и вновь предлагаются широкому читателю.

1. Александр I Павлович (1777–1825) — сын Павла I и Марии Федоровны, старший брат Николая I, с 1801 г. российский император. Основные работы о нем.: *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. 1–4; *Шиман Т.* Александр Первый. М., 1909; *Пресняков А. Е.* 1) Александр I. Пг., 1924; 2) Александр I. М., 2004. В последние 15 лет вышло большое число монографий и историко-публицистических исследований, а также переизданий дореволюционных трудов, посвященных жизни, политической и государственной деятельности Александра I. См.: *Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I. М., 1989; *Валлотон А.* Александр I. М., 1991. Пер. с фр.; *Экштут С. А.* В поиске исторической альтернативы: Александр I. Его сподвижники. Декабристы. М., 1994; *Троицкий Н. А.* Александр I и Наполеон. М., 1994; *Дмитриев Д. С.* Два императора: Александр I и Наполеон. М., 1995; *Соловьев С. М.* Император Александр I: Политика. Дипломатия. М., 1995; *Кондаков Ю. В.* Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция. 1801–1825. СПб., 1998; *Сахаров А. Н.* Александр I. М., 1998; *Балязин В. Н.* Император Александр I. М., 1999; *Архангельский А. Н.* Александр I. М., 2000; *Тальберг Н. Д.* Александр I: Очерки истории императорской России. М., 2000; *Бунич И.* Династический рок: Александр I, Николай II: (Историко-публицистическое исследование). СПб., 2002; *Жуковская Т. Н.* Правительство и общество при Александре I. Петрозаводск, 2002.

2. Созданная самим Николаем I «легенда» о случайности и неожиданности его прихода к власти получила широкое распространение в мемуаристике николаевской эпохи, а вслед за ней и в литературе. Эта «легенда» была необходима молодому царю, чтобы утвердить идею о самодержавной власти, врученной ему «Провидением» и являющейся «залогом», который он должен хранить, беречь, укреплять и передать в незыблемости сыну. Считая, что его победа на Сенатской площади — «Промысел Божий», император писал цесаревичу Александру Николаевичу 11 декабря 1827 г.: «Никто не ощущает большей потребности, чем я, быть судимым со снисходительностью; но пусть же те, которые судят меня, примут во

внимание, каким необычайным образом я вознесся с поста недавно назначенного начальника дивизии на пост, который занимаю в настоящее время, кому я наследовал и при каких обстоятельствах... Я твердо убежден в Божественном покровительстве, которое проявляется ко мне слишком ошутительным образом для того, чтобы я мог не замечать его во всем, случающимся со мною, и вот моя сила, мое утешение, мое руководящее начало во всем!» (ОР РНБ. Ф. 859 (Н. К. Шильдер). К. 4. № 11. Л. 22–23). Между тем, решение о передаче права наследования престола Николаю Павловичу было принято императорской семьей еще в 1807–1809 гг. После счастливого брака великого князя на дочери ближайшего друга Александра I прусского короля Фридриха-Вильгельма III оно приобрело вполне реальные очертания, а в 1822–1823 гг. получило документальное, хотя и незаконное (юридически не оформленное должным образом), подтверждение в письме на Высочайшее имя великого князя Константина Павловича от 14 января 1822 г. и секретном манифесте императора от 16 августа 1823 г. Более подробно об этом см. примеч. 37.

3. Великий князь Николай Павлович родился в Царскосельском дворце 25 июня 1796 г. Императрица Екатерина II, обычно присутствовавшая при рождении своих внуков, явившись на половину великокняжеской семьи, назвала ребенка небывалым до тех пор в царском доме именем Николай. «Я стала бабушкой третьего внука, который по необыкновенной силе своей предназначен, кажется мне, также царствовать, хотя у него и есть два старших брата», — пророчествовала императрица в письме Ф. Гримму (*Божерянов И. Н. Детство, воспитание и лета юности русских императоров.* СПб., 1915. С. 71). При святом крещении 6 июля 1796 г. великий князь был уже официально наречен Николаем во имя святого чудотворца Николая Мирликийского. По словам самого Николая Павловича, его рождение было «последним счастливым событием» в жизни императрицы. Он появился на свет после рождения пяти внучек подряд, а Екатерина хотела иметь внука. Кроме этого, большой и здоровый ребенок, Николай принес успокоение в императорскую семью после несостоявшегося бракосочетания великой княжны Александры Павловны со шведским королем Густавом-Адольфом IV. Этот скандал во многом стал причиной апоплексического удара Екатерины II, от которого она уже не смогла оправиться и скончалась 19 ноября 1796 г. (Воспоминания о младенческих годах императора Николая Павловича, записанные им собственноручно / Изд. В. В. Квадри. СПб., 1906. С. 1–11. Переиздано: Воспоминания о младенческих годах императора Николая Павловича, записанные им собственноручно // Николай Первый и его время: Документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков. М., 2000. Т. 1. С. 69–78; см. также: Палатина Венгерская Александра Павловна // *Карнович Е. П. Замечательные и загадочные личности XVIII и XIX столетий.* СПб., 1884. С. 306–369). После восшествия на престол Павла I Николай Павлович, «разлученный с отцом и матерью» при жизни Екатерины II, которая своих внучат держала при себе, смог почувствовать родительскую любовь. Император Павел Петрович страстно любил своих маленьких детей, которых называл «мои барашки, мои овечки», и они отвечали ему той же привязанностью. «Отец мой нас нежно любил ... и мы очень любили отца...», — писал Николай I в своих воспоминаниях о детских годах. «Батюшка мой любил окружать себя младшими своими детьми, — вспоминала великая княгиня Мария Павловна, — и мы — Николай, Михаил и я часто приходили к нему играть в его покоях, пока его причесывали, единственное праздное время, когда ничем особенным он не был занят. Так бывало в особенности в последние годы его жизни. Батюшка был нежен и столь добр с нами, что мы всегда любили приходиться к нему. Он говаривал, что старших детей удалили, оторвав их от него с тех пор, как они родились, и он хотел окружить себя младшими, чтобы получше узнать их» (*Корф М. А. Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования: Рождение и первые двадцать лет его жизни (1796–1817)* // Сб. РИО. СПб., 1896. Т. 98. С. 21). Однако роковые события ночи с 11 на 12 марта 1801 г. вскоре нарушили эту идиллию. В воспоминаниях Николая Павловича есть одна деталь. Речь идет о пророчестве трехлетнего великого князя Михаила Павловича, который днем 11 марта, как писал Николай, «играл в углу один в стороне от нас; англичанки, удивленные, что он не принимает участия в наших играх, обратили на это внимание и задали ему вопрос, что он делает? Он, не колеблясь, отвечал: „Я хороню

своего отца!“. На следующее утро моего отца не стало. То, что я здесь говорю, есть действительный факт» (Воспоминания о младенческих годах императора Николая Павловича, записанные им собственноручно / Изд. В. В. Квадри. С. 11). Об убийстве Павла I см.: Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников убийства Павла I. М., 1996; *Саблуков Н. А.* Записки генерала Н. А. Саблукова о времени императора Павла I и о кончине этого государя. М., 2002.

4. Мария Федоровна (София-Доротея-Августа-Луиза, урожденная принцесса Вюртемберг-Штутгартская. 1759–1828) — жена Павла Петровича, с 1796 г. императрица. Мария Федоровна, по воспоминаниям ее младших детей, в их раннем возрасте была с ними довольно холодна, суха и строга, и их отношения были в пределах «церемонности и холодной учтивости и даже боязни», поскольку обязанности ее положения не только требовали этого, но и отнимали слишком много времени и сил. Все изменилось в годы их отрочества и юности, когда между императрицей, Николаем, Михаилом и Марией установились «сердечные и самые теплые отношения», и Мария Федоровна с удвоенной энергией целиком отдалась воспитанию младших сыновей (Воспоминания о младенческих годах императора Николая Павловича, записанные им собственноручно. С. 7–8). О Марии Федоровне см.: *Шумигольский Е. С.* 1) Императрица Мария Федоровна // Русский архив. 1892. № 3; 2) Императрица Мария Федоровна. 1756–1828: Ее биография. СПб., 1892. Т. 1; Императрица Мария Федоровна. Павловск; СПб., 2000; *Чижова И. Б.* Пять принцесс. СПб., 2002.

5. Михаил Павлович (1798–1849) — великий князь, младший из сыновей Павла I и Марии Федоровны, брат Николая I. С 1825 г. генерал-инспектор по инженерной части, с 1831 г. главный начальник кадетских корпусов, с 1844 г. главнокомандующий Гвардейским и Гренадерским корпусами. О нем см.: *Божерянов И. Н.* 1) Памяти великого князя Михаила Павловича (1798–1898) // Русская старина. 1898. Т. 43. № 2. С. 401–420; 2) Первый царственный генерал-фельдцейхмейстер, великий князь Михаил Павлович. 1798–1898: Биографический очерк. СПб., 1898; *Лалаев М. С.* Очерк жизни и деятельности в Бозе почившего великого князя Михаила Павловича: К столетию со дня рождения. 1798–1898. СПб., 1898.

6. После дворцового переворота в ночь с 11 на 12 марта 1801 г., лишившего Павла I трона и жизни и возведшего на престол Александра I, вдовствующая императрица Мария Федоровна, приведя к императору своих младших детей, сказала: «Теперь ты их отец!». Однако Александр Павлович предоставил все заботы о воспитании своих младших братьев исключительно матери. Мария Федоровна своей основной задачей считала дать Николаю и Михаилу Павловичам прекрасное гуманитарное образование и отвлечь их от «страсти ко всему военному», которая проявлялась в мальчиках с раннего детства, а с возрастом стала приобретать профессиональные черты. Известно, что великий князь Николай еще в отрочестве ознакомился со всеми отраслями военного искусства, а его любовь к точным наукам и рисованию способствовала успехам на уроках стратегии и фортификации. Это увлечение «марсоманией» великих князей, особенно Николая, вызывало беспокойство и озабоченность Марии Федоровны, что, вероятно, было связано с одержимостью подобными «страстями» Павла I, принявшей маниакальный характер (*Шильдер Н. К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 1. С. 14. Переиздано: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование. М., 1997. Кн. I. С. 18. Далее ссылки только на первое издание).

7. По приказу Павла I от 23 ноября 1800 г. главный надзор за воспитанием обоих младших его сыновей, Николая и Михаила Павловичей, был поручен генерал-майору Матвею Ивановичу Ламздорфу (1745–1828), занимавшему ранее должность директора Первого Кадетского корпуса (Биографические сведения о Матвее Ивановиче Ламздорфе, представленные М. А. Корфу Н. М. Ламздорфом: ОР РНБ. Ф. 380 (М. А. Корф). Д. 95). Неизвестно, на чем основывалось доверие к Ламздорфу Марии Федоровны и уважение к его «педагогическим» способностям Павла I, поскольку сам Матвей Иванович прекрасно осознавал свою неспособность к подобного рода деятельности и пытался отказаться от предложения императора. Однако Павел Петрович жестко сказал: «Если ты не хочешь

взяться за это дело для меня, то обязан взяться для России; одно только требую, чтобы ты не сделал из мальчиков таких же шалопаев, каковы немецкие принцы» (*Корф М. А.* Заметки о детстве и юности Николая I. Пер. с фр.: ОР РНБ. Ф. 380. Д. 64. Л. 2 об.; см. также: *Божеянов И. Н.* Детство, воспитание и лета юности русских императоров. С. 77). Вероятно, выполняя поставленную перед ним задачу, Ламздорф, вместо того чтобы развивать те моральные и интеллектуальные качества, которые были заложены в детях, приложил все свои силы, чтобы переломить их живой и непосредственный нрав. Позже поддерживаемый вдовствующей императрицей Марией Федоровной, которая по ежедневным рапортам знала обо всех событиях, происшедших в детской, и мерах наказания, Матвей Иванович в воспитании Николая и Михаила Павловичей практиковал только одну систему — систему холодных приказаний, выговоров и наказаний, доходивших до жестокости. Согласно ежедневным журналам кавалеров и со слов самого Николая Павловича, Ламздорф бил мальчиков линейкой, ружейными шомполами, не раз случалось, что хватал за грудь или воротник и ударял об стену так, что они лишались чувств, или привязывал к ручке кровати, а потом порол розгами. Причем это не только не скрывалось от окружающих, но, наоборот, записывалось в журналы. «Дядька, к нам приставленный, — говорил впоследствии Николай I графу П. Д. Киселеву, — не умел ни руководить нашими уроками, ни внушить нам любовь к литературе и к наукам; он вечно ворчал, подчас раздражался сильнейшим гневом из-за пустяков, бранился и нередко наделял нас толчками и щипками, которых особенно много доставалось на мою долю... Бог ему судья за бедное образование, нами полученное» (*Божеянов И. Н.* Детство, воспитание и лета юности русских императоров. С. 78–79; см. также: *Корф М. А.* Заметки о детстве и юности Николая I. Л. 1 об.; *Н. [Ф.] Дубровин*). Несколько слов в память императора Николая I // Русская старина. 1896. Т. 86. С. 450–451). Тем не менее, 1 июля 1817 г., в день бракосочетания Николая Павловича с прусской принцессой Шарлоттой, Ламздорф был возведен в графское достоинство, в 1822 г. назначен членом Государственного Совета, а в день коронации Николая I, 22 августа 1826 г., получил Андреевскую ленту с портретом императора, осыпанную бриллиантами. Умер Ламздорф в Петербурге 23 марта 1828 г. на 83-м году жизни. О М. И. Ламздорфе также см.: *Глинский Б. Б.* Царские дети и их наставники: Исторические очерки для юношества. СПб.; М., 1912. Переиздано: *Глинский Б. Б.* Царские дети и их наставники: Исторические очерки для юношества. Ростов-на-Дону, 1997; *Высочков Л. В.* Николай I. М., 2003. С. 18–20.

8. Великие князья Николай и Михаил Павловичи, согласно дворцовому регламенту, до семилетнего возраста находились на попечении особого штата дам, во главе со статс-дамой графиней Шарлоттой Карловной Ливен. Воспитавшая великих князей Александра и Константина Павловичей, она заслужила общее уважение и любовь при Дворе. В штате состояли еще три дамы — Юлия Федоровна Адлерберг (до замужества Багговут), а также Е. Синицына и Е. Панаева, исполнявшие обязанности гувернанток. По достижении семилетнего возраста мальчики перешли «из женских рук в руки мужские», т. е. на попечение гувернеров, называвшихся тогда «кавалерами». С 1802 г. кавалерами при Николае и Михаиле состояли генерал-майор Н. И. Ахвердов, полковники К. И. Арсеньев и П. А. Ушаков, а с 1805 г. еще и майор А. П. Алединский, действительный статский советник Н. А. Дивов (после смерти в 1811 г. был заменен Г. А. Глинкой) и коллежский советник Вольф. С 1808 г. в состав «кавалеров» был добавлен статский советник И. Ф. Сарасов. Кормилицей маленького Николая Павловича была красносельская крестьянка Ефросинья Ершова, а бонной — шотландка Евгения Васильевна Лайон (Jane Laon). Дочь скульптора, в числе других деятелей искусства приглашенного в Россию еще Екатериной II, мисс Лайон была неординарной, сильной, по-рыцарски благородной личностью. «Няня-львица», как ее называл Николай, оказала весьма значительное влияние на формирование характера и жизненных ценностей будущего императора. Вероятно, именно ее рассказы о кровавых событиях в Варшаве весной 1794 г. и о жестокости поляков по отношению не только к русским войскам, но и к беззащитным женщинам и детям, заложили в Николае Павловиче чувство ненависти к полякам, которое прочно укоренилось в его сердце. Свою нежную привязанность и любовь к бонне, прожившей долгую, спокойную жизнь в Аничковом дворце, Николай сохранил до самой ее смерти в 1842 г. (*Корф М. А.* Материалы и

черты к биографии императора Николая I. С. 10–15; см. также: *Корсаков А. [Н].* Детство и отрочество Николая Павловича // Русский архив. 1896. Кн. 2. № 6. С. 278–290).

9. Николай Павлович, по словам его друга детства, а позже министра Императорского двора графа В. Ф. Адлерберга (кроме него, ближайшими друзьями великого князя были принц Александр Вюртембергский, внук графини Ш. К. Ливен А. Фитингоф, сын одной из гувернанток В. Панаев, братья Завадовские и Ушаковы), был «нрава престроптивного и вспылчивого». Избранная Ламздорфом система воспитания (когда процветали «вечное шпионство и карауленья», за малейшую шалость, детский промах и незначительный проступок следовали суровое наказание) весьма негативно влияла на самобытный и непреклонный нрав Николая; мальчик перестал быть откровенным с окружающими. Так, в ежедневном журнале кавалеров за 14 июня 1808 г. имеется следующая запись: «Единственный упрек, который можно было сделать великому князю Николаю, заключается в том, что он не достаточно искренен и откровенен в отношениях своих с генералом Ламздорфом» (цит. по: *Корф М. А.* Материалы и черты к биографии Николая I. С. 29; см. также: *Корф М. А.* Заметки о детстве и юности Николая I. Л. 1 об.). Вероятно, со временем эта черта характера Николая Павловича стала преобладающей, а после событий 14 декабря 1825 г. превратилась в основную. Отчасти именно этим можно объяснить и тот факт, что в николаевскую эпоху государственное управление принимает личный характер, а император, не доверяя никому, сам пытается контролировать все сферы жизни страны.

10. Чрезвычайно веселого и живого нрава полковник, а впоследствии генерал-адъютант Павел Александрович Ушаков был любимцем младших великих князей. Избегая строгости и наказаний в отношении к детям, он пытался оградить Николая и Михаила от жестокости Ламздорфа. Записи Ушакова в ежедневных журналах были весьма лаконичны и стереотипны: «Великий князь здоров, вел себя и учился хорошо». Когда он появлялся после долгого отсутствия, то Николай и Михаил с радостным криком «Павлинька! Павлинька!» бросались к нему на шею (*Корф М. А.* Заметки о детстве и юности Николая I. Л. 3 об.).

11. Систематические занятия с великими князьями начались с осени 1802 г. Их проводили: по закону Божию — духовник императорской семьи отец Павел Криницкий; по русскому языку — П. А. Ушаков; по немецкому языку — Ф. П. Аделунг; по английскому языку, входящему тогда в моду, — англичанин К. И. Седжер; по древнегреческому и латинскому языкам — отец Самуил; по русской истории и словесности, а также статистике и географии — европейски образованный генерал-майор Н. И. Ахвердов; по всеобщей истории и географии на французском языке — швейцарец Дю-Пюже. Николай и Михаил Павловичи, обладая отменным здоровьем, рано стали заниматься гимнастикой, верховой ездой, плаванием, фехтованием. С 1802 г. начались уроки танцев, которые давал знаменитый в то время французский балетмейстер Лепик, которого в 1807 г. сменил Гуар. Учителем музыки был приглашен англичанин Теппер. В детстве Николаю Павловичу, несмотря на то, что он обладал необыкновенной музыкальной памятью и слухом и сочинял военные марши, по словам В. Ф. Адлерберга, «оба эти занятия (музыка и танцы — *сост.*) были не по вкусу». Впоследствии же именно музицирование доставляло императору истинное удовольствие. Он любил участвовать в домашних концертах своей супруги императрицы Александры Федоровны, и специально для него А. Ф. Львовым была составлена партия на *cornet a piston*. Но самым любимым занятием великого князя Николая были уроки рисования, проходившие под руководством профессора Академии художеств В. К. Шебуева. Вероятно, именно Шебуев, к которому Николай питал искреннюю привязанность, привил ему любовь к художественному творчеству. Неудивительно, что великий князь очень хорошо владел карандашом и создавал великолепные эскизы военных сцен, рисунки мундиров, лошадей, а также писал акварелью как опытный мастер. Обладая даром чрезвычайно выразительно схватывать смешные стороны людей и выразительно передавать их, Николай Павлович имел особенную склонность к карикатуре (*Божерянов И. Н.* Детство, воспитание и лета юности русских императоров. С. 79–82; *Высочков Л. В.* Николай I. С. 22–24).

12. В 1809 г. Николай и Михаил Павловичи вступили в отроческий возраст, и вдовствующая императрица Мария Федоровна, желая смягчить их увлечение военным делом,

решила провести с сыновьями две зимы в Гатчине, вдали от военных зрелищ парадного Петербурга. В этот же год прежняя методика обучения, названная М. А. Корфом «гимназической», была заменена «университетской». Замена гимназического образовательного курса университетским во многом была обусловлена принятием в 1809 г. императорской семьей решения сделать Николая Павловича преемником Александра I на российском престоле. В силу чего образование великого князя стало важнейшей задачей. Вначале Александр I считал, что его младшие братья должны получить университетское образование в одном из европейских университетов. Но позже, по предложению М. М. Сперанского, который разработал «Постановление о Лицее» (ПСЗ I. 1811. № 24325), было решено создать «под самым крылом царским» Лицей в Царском Селе, где «было бы удалено все военное». Предполагалось, что именно Лицей станет университетом для великих князей, которые будут подготавливаться вместе с детьми из лучших российских дворянских фамилий «к занятию высших государственных должностей». 19 октября 1811 г. Лицей был открыт, но Николай и Михаил Павловичи так и не стали его воспитанниками. Этому решительно воспрепятствовал Александр I, считавший абсурдной идею воспитания членов Императорского дома в общественном заведении (*Корф М. А.* Заметки о детстве и юности Николая I. Л. 1 об. — 2). Однако сам переход к университетскому курсу все же состоялся. Для обучения великих князей, помимо учителей по уже преподававшимся дисциплинам, были приглашены известные ученые. Статистик, академик А. К. Шторх читал политическую экономию, сотрудник М. М. Сперанского и член Первой комиссии составления законов М. А. Балугьянский — курс истории права, профессор Педагогического института В. Г. Кукольник — римское, гражданское и естественное право, преподаватель Первого кадетского корпуса, член Академии наук В. Л. Крафт — математику, физику и инженерное искусство (*Кобеко Д. Ф.* Императорский Царскосельский лицей: Наставники и питомцы. 1811–1843. СПб., 1911).

13. Вероятно, данное обстоятельство было связано с тем фактом, что науки, основанные на отвлеченных понятиях и слишком далекие от потребностей жизни, были чужды рационалистической натуре Николая Павловича. Поэтому латинский и древнегреческий языки, знание которых, по мнению Марии Федоровны, было необходимо для понимания многих терминов, вызывали отторжение великого князя. К тому же, по свидетельству ежедневных журналов кавалеров, древние языки давались ему с огромным трудом. Став императором, Николай I неоднократно признавался М. А. Корфу в своей ненависти к латинскому языку и поэтому совершенно исключил его из программы воспитания своих детей. А в октябре 1847 г., назначив Корфа преподавателем правоведения великого князя Константина Николаевича, император говорил: «Не надо слишком долго останавливаться на отвлеченных предметах, которые потом или забываются, или не находят никакого приложения в практике. Я помню, как нас мучили над этим два человека, очень добрые, может статься, и очень ученые, но оба несноснейшие педанты: покойный Балугьянский и Кукольник. Один толковал нам, на смеси всех языков, из которых не знал хорошо ни одного, о римских, немецких и, Бог знает, каких еще законах; другой — что-то о мнимом «естественном» праве. В прибавку к ним являлся еще Шторх, с своими усыпительными лекциями о политической экономии, которые читал нам по своей печатной французской книжке, ничем не разнообразя этой монотонии. И что же выходило? На уроках этих господ мы или дремали, или рисовали какой-нибудь вздор — иногда собственные их карикатурные портреты, а потом к экзаменам выучивали кое-что в долбляшку, без плода и пользы для будущего» (*Корф М. А.* Материалы и черты к биографии императора Николая I. С. 30). Вероятно, поэтому великий князь Николай Павлович, безусловно, обладавший прекрасной памятью и быстрой реакцией, не имел хорошего политического и литературного образования. Притом что Александр I, понимая важность литературы и поэзии в жизни русского общества, как-то ему заметил: «Не забывай, что среди нации поэзия исполняет почти такую же роль, как музыка во главе полка: она — источник возвышенных мыслей; она согревает сердца, говорит душе при самых грустных условиях материальной жизни. Любовь к изящной словесности — одно из величайших благодетелей для России: материальный мир нашей страны действует так неблагоприятно на характер, что непременно

нужно предохранить его от этого влияния волшебными прелестями воображения» (Н. [Ф.] Д[убровин]. Несколько слов в память императора Николая I. С. 454).

14. Наполеоновские войны 1805–1807 гг. и огромный интерес Николая Павловича к военным действиям, происходящим в Европе, все же заставили Марию Федоровну обратить особое внимание на преподавание великим князьям военных наук — инженерного дела, артиллерии, тактики, фортификации. Для надзора за общим военным образованием был приглашен известный военный инженер генерал граф К. И. Опперман, а само преподавание было поручено военным инженерам, полковникам Н. П. Джанноти и А. И. Маркевичу. Николай любил впоследствии говорить: «Мы — инженеры», «наша инженерная часть». Александр Павлович, вероятно учитывая «страсть» брата, 3 июля 1817 г. назначил его генерал-инспектором по инженерной части и шефом Лейб-гвардии Саперного батальона, а 20 января 1818 г. дал ему в управление Инженерный корпус (Тимченко-Рубан Г. И. Очерк деятельности великого князя Николая Павловича как руководителя военно-инженерной частью // Инженерный журнал. 1911. № 4–7. С. 5–40).

15. В ежедневных журналах кавалеров встречается лишь одно упоминание о свидании Александра I с младшими братьями в их детском возрасте, которое состоялось 28 октября 1803 г. Сложность воспитательного процесса состояла в том, что формирование младших великих князей происходило под воздействием совершенно противоположных тенденций. С одной стороны, под влиянием их матери, вдовствующей императрицы Марии Федоровны, с другой — старшего брата, цесаревича Константина Павловича. Император Александр Павлович (1777–1825) и цесаревич Константин Павлович (1779–1831) по возрасту были намного старше своих братьев, и, как всегда бывает в таких семьях, младшие брали пример со старших. Однако Александр был государем, и мог уделять детям немного времени и внимания; они же относились к нему с верноподданническим почтением. Остроумный, чрезвычайно живого характера Константин, одаренный к тому же необыкновенной памятью и блестящим даром рассказчика, любивший в неистощимых беседах вспоминать о царствовании Екатерины II и Павла I, о Суворовских походах, имел огромное влияние на своих младших братьев в их детстве и отрочестве. Наполеоновские войны и европейские походы, в которых он участвовал, несколько ослабили эту связь, которая оказалась более прочной в отношении великого князя Михаила Павловича. Цесаревич «научил» самого младшего брата не только военной выправке, но и остроловию и подшучиванию над окружающими. Влияние же Константина на Николая Павловича было гораздо слабее. Причиной этого было не только различие их характеров и темпераментов, но и жизненных приоритетов. Цельная натура Николая, его целеустремленность, приверженность долгу, системе и порядку, вероятно, были слишком далеки эмоциональному, безалаберному характеру Константина. Поэтому неудивительно, что, по воспоминаниям современников, их отношения всегда были весьма неоднозначными и сложными (Воспоминания Михаила Павловича о событиях 14 декабря 1825 г. // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. С. 51–55; Император Николай I в 1828–1829 гг. Из записок графа А. Х. Бенкендорфа // Русская старина. 1896. № 7–9. С. 10–13).

16. Константин Павлович (1779–1831) — великий князь, цесаревич, сын Павла I и Марии Федоровны, брат Николая Павловича, генерал-инспектор кавалерии, в 1815–1831 гг. наместник Царства Польского. О нем см.: Карнович Е. П. 1) Цесаревич Константин Павлович // Русская старина. 1877. Т. 19. № 1. С. 217–254; № 2. С. 361–388; № 3. С. 539–557; Т. 20. № 9. С. 77–100; № 12. С. 367–388; 1778. Т. 21. № 1. С. 1–28; № 2. С. 237–264; № 3. С. 367–384; 2) Цесаревич Константин Павлович: Краткий биографический очерк. СПб., 1899; Кучерская М. Константин Павлович. М., 2005.

17. Поль Лакура, рассказывая об этом эпизоде из жизни Николая Павловича, писал, что великий князь, получив следующий ответ Марии Федоровны на свои жалобы о бездействии, когда отечество в опасности: «Вас берегут для других надобностей», обратился с письмом к Александру I. В послании к брату великий князь писал, что ему «стыдно видеть себя бесполезным на земле существом, непригодным даже для того, чтобы умереть смертью храброго на поле битвы». Император отреагировал на это сообщение так же, как Мария

Федоровна, но в утешение он «с серьезным и меланхолическим видом» сказал: «А покамест займись исполнением других обязанностей; доверши свое образование, сделай себя достойным того места, которое ты займешь со временем; это будет такая служба дорогому Отечеству, какую должен нести наследник престола». С этого момента великий князь Николай совершенно изменился. Он стал избегать веселого и шумного общества, стал более серьезен и строг «в словах и делах, что придавало его лицу холодный и чопорный вид». По словам Лакруа, «он разом перешел от детских лет к зрелому возрасту» (*Лакруа П.* Черты из жизни и царствования императора Николая I. СПб., 1869. С. 340–341). Достоверность сведений Лакруа может быть подтверждена тем фактом, что материалы для его труда были собраны из российских архивов помощником М. А. Корфа в Императорской публичной библиотеке князем В. Ф. Одоевским. В конфиденциальной записке по делу Поля Лакруа, представленной Одоевским министру Императорского двора графу В. Ф. Адлербергу 16 июня 1860 г., отмечалось, что следует «стараться укоренить в нем (Лакруа — *сост.*) то убеждение, что история царствования должна состоять не из ходячих анекдотов, кои могли дойти до него и могут доходить весьма разными путями, ибо их смысл и самая сущность всегда неопределенны и, переходя из уст в уста, подвергаются различным истолкованиям и редакциям; что история царствования в делах эпохи» (Отчет с сопроводительным письмом В. Ф. Адлербергу о подготовке В. Ф. Одоевским 7 томов материалов к биографии Николая I для Поля Лакруа: ОР РНБ. Ф. 380. Д. 109. Л. 4–5 об.).

18. Анна Павловна (1795–1865) — великая княгиня, дочь Павла I и Марии Федоровны, сестра Николая I, жена принца Вильгельма Оранского (с 1841 г. Вильгельма II), королева Нидерландская.

19. Вопрос о желательности и важности для России брачного союза великого князя Николая Павловича с дочерью прусского короля Фридриха-Вильгельма III, принцессой Шарлоттой, обсуждался в императорской семье еще в конце 1808 — начале 1809 г., во время пребывания в Петербурге прусской королевской четы. В одной из частных бесед между королевой Луизой и вдовствующей императрицей Марией Федоровной, прусская королева завела разговор на этот счет: «Наши дети — наши сокровища. Дочь замкнута в себе, сосредоточена, но, как и у ее отца, под холодной по-видимому внешностью бьется горячее сочувствующее сердце; вот причина, по которой в ее обращении проглядывает нечто величественное. Если Господь сохранит ее жизнь, я предчувствую для нее блестящее будущее» (*Шильдер Н. К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование. Т. 1. С. 83). Дружба же двух монархов, скрепленная, по словам Александра I, «испытаниями, воспоминаниями и надеждами», в огромной степени способствовала этому решению.

20. Н. К. Шильдер указывает другую дату первого заграничного путешествия Николая Павловича вместе с Михаилом Павловичем — 5 февраля 1814 г. (Там же. Т. 1. С. 41).

21. Первая встреча Николая Павловича с прусской принцессой Фредерикой-Луизой-Вильгельминой-Шарлоттой произошла 21 февраля 1814 г., когда он вместе с великим князем Михаилом Павловичем прибыл в Берлин и был принят прусской королевской семьей. По словам Ф. Ф. Вигеля, «тут впервые в жизни влюбился он в старшую дочь его (Фридриха-Вильгельма III — *сост.*) и умел понравиться сей только из ребячества выходившей принцессе Шарлотте» (*Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 1928. Т. 2. С. 123). Николай и прусская принцесса значительно сблизились в октябре 1815 г., когда великий князь на обратном пути из Парижа вновь посетил Берлин. Возникшее взаимное влечение молодых людей облегчало осуществление семейных предположений и планов. 23 октября было объявлено о помолвке, но обручение было решено отложить до достижения Николаем Павловичем совершеннолетнего возраста. Почти через год, 21 сентября 1816 г., во время путешествия Николая и Михаила Павловичей по Европе (об этом см.: Дело с материалами о путешествиях великих князей Николая Павловича и Михаила Павловича в 1816–1817 гг.: Донесения наставников великих князей: ОР РНБ. Ф. 380. Д. 132; частично опубликовано: *Глинка-Маврин Б. Г.* Путешествие по России и в чужих краях великого князя Николая Павловича 1816 и 1817 года // Русский архив. 1877. Кн. 2. № 6. С. 172–221) в Берлине состоялось обручение по протестантскому обряду. 27 апреля 1817 г. великие князья вернулись в Петербург; 31 мая того же года принцесса Шарлотта в сопровождении брата,

принца Вильгельма, выехала из Берлина в Санкт-Петербург. Через двадцать дней тяжелого пути принцесса торжественно въехала в российскую столицу. 24 июня 1817 г. была проведена церемония обращения в православие Шарлотты, нареченной великой княжной Александрой Федоровной. На следующий день, в день рождения Николая Павловича, — состоялся православный обряд обручения, а 1 июля, в день рождения Александры Федоровны, в церкви Зимнего дворца было совершено брачное венчание. «Рядом с прусским принцем ехал государь с видом чрезвычайно довольным, — писал Вигель. — За ним следовал Николай Павлович. Русские тогда еще мало знали его; едва вышед из отрочества, два года провел он в походах за границей, в третьем проскакал он всю Европу и Россию, и возвратясь, начал командовать Измайловским полком» (*Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2000. С. 391–392*). Вечером того же дня был дан бал, после окончания которого молодые отправились в Аничков дворец, который император подарил великому князю. «Если кто-нибудь спросит тебя, — говорил позже Николай Павлович одному из своих приближенных вскоре после свадьбы, — в каком уголке мира скрывается истинное счастье, сделай одолжение, пошли этого человека в Аничкинский рай» (*Н. [Ф.] Дубровин*). Несколько слов в память императора Николая I. С. 456). См. также: Русские императоры, немецкие принцессы. Династические связи, человеческие судьбы / Под ред. А. Данилова. М., 2002.

22. Дочь Павла I и Марии Федоровны, сестра Николая I, великая княгиня Мария Павловна (1786–1859) в 1804 г. вышла замуж за Карла-Фридриха (1783–1853) — герцога Саксен-Веймарского, и жила в Веймаре. Свидание с ней для обоих братьев было тем более радостным, что они не виделись со времени ее последнего пребывания в России (май 1808 — май 1809 г.).

23. Императрица Елизавета (Елисавета) Алексеевна (Луиза-Мария-Августа, 1779–1826) — жена Александра I, дочь маркграфа Баден-Баденского Карла-Людвига, в это время (февраль 1814 г.) гостила у своей матери маркграфини Амалии. О Елизавете Алексеевне см.: *Николай Михайлович, вел. кн. Императрица Елизавета Алексеевна, супруга императора Александра I. СПб., 1908. Т. 1.*

24. Гюнинг (Гюнинген), департамент Верхний Рейн — крепость, расположенная на левом берегу Рейна, вблизи Базеля. Благодаря своему важному стратегическому положению Гюнинг (закрывал проход между Юрским хребтом и Вогедскими горами и преграждал переправу через Рейн) выдерживал длительные осады в 1796, 1814 и 1815 гг. Французы защищали крепость в 1814 г. в течение 117 дней и сдали ее только после известия об отречении Наполеона от престола 16 апреля 1814 г. (*Богданович М. И. История войны 1814 г. во Франции и низложение Наполеона по достоверным источникам. СПб., 1865. Т. 1. С. 63–65*).

25. Клейнмихель Петр Андреевич (1793–1869) — граф (с 1838), участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1814 гг., 16 мая 1814 г. был пожалован во флигель-адъютанты к Александру I. Получив чин полковника (1816), а затем генерал-майора (1820), был назначен начальником штаба военных поселений (1819–1832). Блестящую карьеру сделал в царствование Николая I, который ему благоволил, выделял среди своих сановников и даже в своем завещании назначал пенсию и подарки. В день коронации нового императора, 22 августа 1826 г., Клейнмихель был пожалован в генерал-адъютанты; в том же году он стал «наследником» А. А. Аракчеева, которого знал с детства, и адъютантом которого состоял в 1812 г. Приняв в свое управление Департамент военных поселений, Клейнмихель, кроме ведомственных дел, по поручению императора занимался широким кругом других государственных проблем. Николай I много времени проводил в обществе своего генерал-адъютанта, в 1837 г. поручил ему руководство ремонтом Зимнего дворца после катастрофического пожара, а в 1842 г. — строительством Николаевской железной дороги. Пожалованный в 1842 г. в генералы от инфантерии, Клейнмихель 11 августа того же года был назначен главноуправляющим путями сообщения и публичными зданиями. По свидетельству современников, «деятельный, беспощадный и неутомимый в выборе средств», он не признавал трудности, как будто хотел доказать, «что на свете нет ничего невозможного. Он относился к людям как к орудиям и машинам, не зная сострадания» (*Брэ О. де. Император Николай и его сподвижники: Воспоминания графа Оттона де Брэ*).

1849–1852 // Русская старина. 1902. Т. 109. № 1. С. 115–139). И все же следует признать, что Клейнмихель сыграл важную роль в организации строительства первой железной дороги в России, попытался выработать долгосрочную программу развития путей сообщения в империи, провел ряд важных административных преобразований в своем ведомстве. Однако предельная военизация, жесткое административное давление, коррупционные методы управления привели к тому, что Клейнмихель, как никто другой из деятелей николаевского царствования, был окружен столь единодушной неприязнью со стороны не только общества, но и самой бюрократии. Уже после смерти Николая I, 12 августа 1855 г., директор Комиссариатского департамента Морского министерства Д. А. Оболенский записал в своем дневнике: «Осень приближается, а с ней распутица, а дорог все-таки нет и в течение всего лета в этом отношении много не предпринято. Неужели не повесят Клейнмихеля, ежели по случаю непроходимых дорог армия наша опять должна будет бедствовать, как в прошлом году?» (Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. 1855–1879. СПб., 2005. С. 81). О П. А. Клейнмихеле см.: *Панаев В. А.* Четыре министра путей сообщения. 1833–1869. СПб., 1889; Граф П. А. Клейнмихель // Русский архив. 1894. № 12; 1895. № 1; *Булгакова Л. А.* 1) Граф П. А. Клейнмихель // Новый часовой. СПб., 1996. № 5; 2) Финансовые «несообразности» в делах Главного управления путей сообщения и публичных зданий // Нестор: Банки и финансы Российской империи. СПб.; Кишинев, 2000. С. 149–175; *Клименко А.* Сиятельный управленец // Былое. 1997. № 7.

26. Коновницын Петр Петрович (1764–1822) — генерал-лейтенант (1808), генерал-адъютант (1816), генерал от инфантерии (1817). Участник русско-шведской войны (1808–1809), известный герой Отечественной войны, участник знаменитой битвы под Лейпцигом (1813) и взятия Парижа (1814), Коновницын 12 декабря 1815 г. был назначен на должность министра военно-сухопутных сил, вскоре переименованную в военные министры. Однако ни храбрость, ни здравый ум нового руководителя военного ведомства не смогли ничего изменить в огромной административной военной системе, разрушенной непрерывными войнами, утратившей былую дисциплину и имевшей многочисленные трудности в управлении и хозяйстве. Уже 12 декабря 1817 г. Коновницын был снят с поста министра и назначен главным директором военно-учебных заведений. О П. П. Коновнице см.: *Булгарин Ф. В.* Краткое обозрение военного поприща графа Коновницына // *Булгарин Ф. В.* Сочинения. СПб., 1844. Т. 5; Граф П. П. Коновницын: биография. Одесса, 1912; *Иванов Е. П.* «Славян любовь» // Военно-исторический журнал. 1992. № 2.

27. Николай и Михаил Павловичи 28 февраля 1814 г. прибыли во Франкфурт, где их уже ожидал генерал-адъютант П. П. Коновницын, вызванный из Франции и назначенный Александром I сопровождать великих князей в их военных походах. Коновницын и великие князья переправились через Рейн в Базель и прибыли в Везуль. В это время было совершено движение Наполеона с основной армией в направлении Арси-сюр-Об, где он атаковал союзников вечером 20 марта 1814 г. Капитан П. А. Клейнмихель привез в Везуль великим князьям словесный приказ императора вернуться через Альткирх в Базель и остаться там до взятия Парижа. Николай I допускает здесь неточность. Как отмечалось выше, П. А. Клейнмихель был назначен не генерал-адъютантом, а флигель-адъютантом Александра I только 16 мая 1814 г., когда все боевые действия уже были прекращены.

28. После взятия Парижа (18 марта 1814 г.) и завершения кампании против Наполеона великие князья Николай и Михаил Павловичи 16 мая 1814 г. приехали в Париж. Они остановились в отеле «Инфантадо», находящемся поблизости от Елисейских полей и отданном князем Шарлем Талейраном в распоряжение Александра I. Именно здесь стояла русская гвардия. Великие князья присутствовали на всех церемониях, торжественных приемах и сопровождали Александра Павловича во время его прогулок по городу, которые всегда привлекали внимание огромной толпы парижан. По примеру царя Николай и Михаил Павловичи большую часть времени проводили в прогулках по Парижу, осматривая достопримечательности, научные, культурные и благотворительные заведения французской столицы. При этом Николай и здесь не изменил своим пристрастиям, предпочтя, в первую очередь, осматривать казармы, госпитали, Дом инвалидов, Политехническую школу. Это увлечение не помешало ему сблизиться с герцогом Луи-Филиппом Орлеан-

ским, семейное счастье которого произвело огромное впечатление на великого князя. «Жить семейной жизнью — вот истинное счастье», — как-то однажды поделился Николай своими мечтами с младшим братом. Подробнее см.: *Шильдер Н. К.* Великий князь Николай Павлович (1814—1822) // *Русская старина*. 1901. Т. 106. С. 449—459; *Лакруа П.* Черты из жизни и царствования императора Николая I. С. 341—343.

29. Название второй записки дано самим Николаем I. См.: *Сыроечковский Б. Е.* Записки Николая I о вступлении его на престол. С. 10.

30. Приказом Александра I от 27 июля 1818 г. великий князь Николай Павлович был назначен командиром 2-й бригады 1-й Гвардейской пехотной дивизии под начальством барона Г. В. Розена (с мая 1821 г. — И. Ф. Паскевича), в которую входили Лейб-гвардии Измайловский и Егерский полки. Эту должность он занимал до декабря 1825 г.

31. Александра Федоровна (урожденная принцесса прусская Фредерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина, 1798—1860) — дочь прусского короля Фридриха-Вильгельма III и королевы Луизы, великая княгиня, с 1817 г. жена великого князя Николая Павловича, с 1825 г. российская императрица. О ней см.: *Яковлев С. П.* Императрица Александра Федоровна: Биографический очерк. М., 1866; *Божерянов И. Н.* Императрица Александра Федоровна, августейшая мать императора Александра II. СПб., 1914; *Мир русской царицы: Александра Федоровна: Каталог выставки.* СПб., 1997.

32. Разговор Александра I с Николаем Павловичем и Александрой Федоровной состоялся 13 июля 1819 г.

33. Старший сын Николая Павловича и Александры Федоровны, цесаревич Александр Николаевич, будущий император Александр II, родился 17 апреля 1818 г. «В 11 часов я услышала первый крик моего первого ребенка, — писала в своих воспоминаниях Александра Федоровна. — Никс целовал меня, заливаясь слезами... Счастье наше удвоилось, однако я помню, что почувствовала что-то внушительное и грустное при мысли, что это маленькое существо будет со временем императором!» (Воспоминания императрицы Александры Федоровны с 1817 по 1820 г. // *Русская старина*. 1869. № 10. С. 38—39). Всего у Николая Павловича от брака с Александрой Федоровной родилось семеро детей: Александр Николаевич (1818—1881), Мария Николаевна (1819—1876), Ольга Николаевна (1822—1892), Александра Николаевна (1825—1844), Константин Николаевич (1827—1892), Николай Николаевич (1831—1891), Михаил Николаевич (1832—1909). О сыновьях Николая I см.: *Белякова З. И.* Великие князья Николаевичи: В высшем свете и на войне. СПб., 2003.

34. Старшая дочь великокняжеской четы Мария Николаевна родилась 6 августа 1819 г. В первом браке она была замужем за герцогом Максимилианом Лейхтенбергским (1817—1852), во втором (незаконном) — за графом Г. А. Строгановым (1824—1879). Николай I знал о любовной связи своей дочери и о «совершившемся браке», но не признал его официально, т. е. не обнародовал указ о его совершении. Великий князь Александр Николаевич не только знал о намерении сестры выйти замуж за Строганова, но даже присутствовал на самом венчании. Императрица Александра Федоровна долго ничего не знала, и ей сообщили о новом браке дочери только в 1855 г. (Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. С. 79). О Марии Николаевне см.: *Белякова З. И.* 1) Великая княгиня Мария Николаевна и ее дворец в Санкт-Петербурге. СПб., 1996; 2) Мариинский дворец. СПб., 1996.

35. Николай I имел в виду тот факт, что к 1819 г., когда состоялся этот важный разговор Александра I с великокняжеской четой, оказывалось, что ни император, ни цесаревич не имели и не могли иметь законных наследников престола. Обе дочери Александра I, рожденные от брака с Елизаветой Алексеевной — Мария (1799—1800) и Елизавета (1806—1809) — умерли в младенчестве (Воспоминания о младенческих годах императора Николая Павловича / Изд. В. В. Квадри. С. 10). Причем осложнения, возникшие при рождении младшей дочери царя, великой княжны Елизаветы Александровны, сделали императрицу Елизавету Алексеевну бесплодной. Александр Павлович, еще будучи великим князем, имел многочисленные романы (с актрисой Филлие, мадам Шевалье, девицей Жорж, фрейлиной В. И. Туркестановой и т. д.), а уже став императором, вступил в длительную связь с М. А. Нарышкиной, урожденной княжной Четвертинской. От этой связи родилось

трое детей, двое из которых умерли в раннем детстве, а любимая дочь Софья — в 1824 г. Однако никто из них по закону не имел права на российский престол (подробнее об этом см.: *Шиман Т.* Александр Первый. М., 1909; Александр I. 1777–1825: Его личность, правление и интимная жизнь. М., 1991). Что касается великого князя, цесаревича Константина Павловича, то и у него также не было законных детей. Бездетный и от этого, быть может, непрочный брак Константина с великой княгиней Анной Федоровной (до замужества и принятия православия Юлией-Генриеттой-Ульрикой, принцессой Саксен-Закфельд-Кобургской, 1781–1860), заключенный в 1796 г., после смерти Павла I фактически распался. Уже с 1801 г. великая княгиня жила постоянно за границей, а «полухолостой» образ жизни цесаревича доставлял много хлопот Александру I и Марии Федоровне. Так, в 1808 г. у Константина Павловича от Жозефины Фридрихс, в 1812 г. получившей дворянское звание и русское имя Ульяны Михайловны Александровой, родился внебрачный сын — Александров Павел Константинович (1808–1857), который Высочайшим указом от 27 апреля 1812 г. был возведен в дворянское достоинство. В 1823 г. он начал действительную службу поручиком Лейб-гвардии Подольского полка, а уже в 1829 г. стал флигель-адъютантом Николая I. В 1831 г. сын Константина Павловича принимал участие в подавлении польского восстания, за что был произведен в полковники, а затем в генерал-майоры и назначен в Свиту императора. Исполняя волю покойного брата, Николай I секретным рескриптом от 25 сентября 1831 г. назначил своему незаконнорожденному племяннику пожизненную ренту (РГИА. Ф. 472. Оп. 223/2732. Д. 230. Л. 58). В 1855 г. Александров П. К. получил придворное звание генерал-адъютанта и чин генерал-лейтенанта. Умер П. К. Александров в Петербурге в 1857 г. (Записки графа Мориолля // Исторический вестник. 1909. Т. 117. Кн. 7–9). Отсутствие законных наследников со стороны Александра I и Константина Павловича создавало проблемы в передаче права на российский престол, в то время как семейное счастье великого князя Николая Павловича не только давало путь ее разрешения, но и благотворно влияло на жизненные позиции его старших братьев. В столице с радостью заметили, что император в последние годы жизни стал в свете больше показываться с Елизаветой Алексеевной, а Константин Павлович вскоре вступил в морганатический брак с Иоанной Антоновной Грудзинской.

36. После Отечественной войны и заграничных походов, т. е. на рубеже второго и третьего десятилетий царствования Александра I, произошли изменения не только в политической концепции, но и жизненных приоритетах императора. Все чаще Александр Павлович говорил о своем намерении отречься от престола. Кроме этого, члены Императорской семьи — императрица Елизавета Алексеевна и великая княгиня Александра Федоровна, а также ближайшее окружение царя и даже иностранцы подметили произошедшую разительную перемену в его характере. Прежняя доброжелательность к людям сменилась подозрительностью и недоверием «ко всем и каждому, с оттенком презрения к человечеству вообще» (*Тимошук В. В.* Николай Михайлович, вел. кн. Императрица Елизавета Алексеевна, супруга императора Александра I. СПб., 1909. Т. 1–3 // Русская старина. 1910. Т. 142. С. 327–346; Т. 144. С. 298–311; Императрица Александра Федоровна в своих воспоминаниях // Русская старина. 1896. Т. 88. С. 27, 58). Усиливающаяся мизантропия усугублялась физическим утомлением и душевным кризисом. Наиболее ярко это проявилось в речи императора 8 сентября 1817 г. на обеде в Киеве: «Когда кто-нибудь имеет честь находиться во главе такого народа, как наш, он должен в момент опасности становиться лицом к лицу с нею. Он должен оставаться на своем месте лишь до тех пор, пока его физические силы будут ему позволять это, или, чтобы сказать одним словом, до тех пор, пока он в состоянии садиться на лошадь» (*Шильдер Н. К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование. Т. 1. С. 119). Этим настроениям, безусловно, способствовали слухи о цареубийстве, которые доходили до царя и зарождали в нем чувство опасности. Известно, что среди членов тайных обществ не раз возникали проекты убийства Александра I как возможного способа коренных перемен в стране. Первый по времени замысел, предложенный М. С. Луниным, относится к 1816 г. (Восстание декабристов. М., 1980. Т. 17. С. 27). Позже М. И. Муравьев-Апостол намеревался убить императора и всех членов царской семьи «на каком-нибудь большом придворном бале и тут же провозгласить установление

республики», а также подговаривал на это А. З. Муравьева, Ф. Ф. Вадковского, П. Н. Сви-
стунова (Там же. С. 40). Согласно маргиналии Николая Павловича на полях первоначаль-
ного текста рукописи книги М. А. Корфа, Александру I было известно о существовании
тайного общества и планах декабристов его физического уничтожения. К осени 1817 г.
относится «Московский заговор» о цареубийстве, которое взялся реализовать И. Д. Якуш-
кин. «По некоторым доводам я должен полагать, что государю еще в 1818-м году в Москве
после Богоявления сделались известными замыслы и вызов Якушкина на цареубийство;
с той поры весьма заметна была в государе крупная перемена в расположении духа, и
никогда я его не видал столь мрачным, как тогда. Впоследствии сей наружный оттиск
расположения души изгладился» (Междоусербие 1825 года и восстание декабристов.
С. 41). О том, что правительство было осведомлено о существовании какого-то общества
с радикальными целями, но не принимало никаких решительных мер, отмечали в своих
воспоминаниях многие члены тайных организаций. В значительной мере это было обус-
ловлено тем, что, как писал Д. И. Завалишин, некоторым государственным сановникам,
«да и самому императору неловко было бы преследовать людей за те самые идеи и
стремления, которые и они некогда разделяли» (Записки декабриста Д. И. Завалишина.
СПб., 1906. С. 213). Николай I отмечал, что «заговор — давнего происхождения, он возник
около 1815 года, и покойный император вполне был осведомлен о его существовании», но
к Александру I, сдерживавшему заговорщиков многие годы «мудрыми и подозрительными
мерами», только в последние годы пришло «горестное сознание, что их замыслы все еще
продолжались и, что в какой-либо день они могут поставить страну и правительство в очень
опасное положение» (цит. по: *Александренко В. [Н].* Россия и Англия в начале царствования
императора Николая I: (По донесениям английского посла, лорда Странгфорда) //
Русская старина. 1907. Т. 131. С. 533). О деятельности тайных обществ в России в
последний период жизни Александра I см.: *Андреева Т. В.* Александр I: 1825 год //
14 декабря 1825 года: Источники, исследования. Историография, библиография. СПб.,
1997. Вып. 1. С. 63–75.

37. Второй сын Павла I, великий князь, цесаревич Константин Павлович, получивший
этот титул от своего отца в 1799 г., уже с самого детства не связывал свою жизнь с
престолонаследием. «Он царь, а я — солдат, что мне перенимать от него», — как-то сказал
Константин своему воспитателю князю Н. И. Салтыкову, сделавшему ему выговор за
шалости и посововетовавшему брать пример с благопристойного Александра. Будучи чело-
веком нетерпеливым и вспыльчивым, и, по словам современников, «не обладая ни даро-
ваниями, ни силой, ни духом, необходимыми для самодержца», чувствуя это, а также боясь
повторить судьбу своего отца, Константин Павлович добровольно решил уступить престол
младшему брату (*Воейков А. Ф.* Великому князю Константину Павловичу невозможно было
царствовать: ОР РНБ. Ф. 73. Д. 336. Л. 1–6). Этому решению, безусловно, способствовали
непростые семейные обстоятельства цесаревича (см. наст. изд., с. 32–33, примеч. 35).
После фактического распада брака Константина Павловича с Анной Федоровной, которая
с 1801 г. постоянно жила в Швейцарии, цесаревич долгие годы вел довольно свободный
образ жизни. Но в 1815 г. в Париже он познакомился с дочерью польского помещика,
прусского подданного Антона Грудзинского, Иоанной (Жанной), блестящая красота ко-
торой, ее ум и образованность настолько его покорили, что он сделал ей предложение о
вступлении в брак. После долгих и сложных переговоров с императором и Марией
Федоровной Константин Павлович получил разрешение на вступление в морганатичес-
кий брак, главным условием которого был отказ цесаревича от престолонаследования. 20
марта 1820 г. был обнародован Высочайший манифест о расторжении брака великого
князя, цесаревича Константина Павловича с великой княгиней Анной Федоровной; дан-
ный акт лишал детей от будущего морганатического брака соответствующих титулов и прав
наследования российского трона. 12 мая 1820 г. Константин Павлович вступил в брак с И.
Грудзинской, которой Александр I даровал титул светлейшей княгини Лович. Вероятно,
именно этот факт оказался решающим в намерении великого князя отречься от престола.
«Я женат на женщине, которая не принадлежит ни к какому владетельному дому и что еще
более, на польке, — объяснял он свое решение великому князю Михаилу Павловичу,

посетившему Варшаву вместе с Николаем Павловичем летом 1821 г. — Следовательно, нация не может иметь ко мне необходимой доверенности, и отношения наши всегда останутся двусмысленными. Итак, я твердо положил уступить брату Николаю и ничто не поколебает этой зрело обдуманной решимости. Покамест она должна остаться в глубокой тайне...» (Междоцарствие 1825 года и восстание декабристов. С. 50).

38. Николай I лукавит, поскольку как о наследнике престола о нем начали говорить еще в 1807–1809 гг. Об этом свидетельствует запись в дневнике личного секретаря вдовствующей императрицы Марии Федоровны Г. И. Вилламова от 16 марта 1807 г.: «Она (Мария Федоровна — *сост.*) видит, что престол все-таки со временем перейдет к великому князю Николаю, и по этой причине его воспитание особенно близко ее сердцу» (Вилламов Г. И. Воцарение императора Николая I: (Из дневника) // Русская старина. 1899. Т. 97. № 1–3. С. 89–108). К 1809 г., ознаменовавшему, как писал в публикуемых записках Николай Павлович, переход в его воспитании к «другой методе», т. е. университетскому курсу, относится медаль с изображением подростка — Николая Павловича с надписью: «Цесаревич Николай 10 января 1809» (Корсаков А. Н. Детство и отрочество Николая Павловича // Русский архив. 1896. Кн. 2. № 5–8. С. 285), появление которой не смог объяснить даже Н. К. Шильдер (Шильдер Н. К. Император Николай Первый: Его жизнь и царствование. Т. 1. С. 476). С 1815 г. решение Императорской семьи о передаче прав наследования российского престола Николаю Павловичу приобретало все более явные очертания, хотя еще документально не оформленные должным образом. Об этом свидетельствует характер путешествий великого князя Николая по России и Европе в 1815–1817 гг., его брак на дочери ближайшего друга Александра I, прусского короля Фридриха Вильгельма III, важные поручения царя, не раз отправлявшего его с инспекторскими поездками на Дон, в Новороссийский край, в Крым, а также та роль, которую он стал играть в царской семье. Известно, что в последние годы жизни Александра Павловича на время его частых и долговременных путешествий за границу или на конгрессы Священного союза главой Императорского дома назначался Николай Павлович (Императрица Александра Федоровна в своих воспоминаниях. С. 45). Взгляд на Николая как на преемника Александра I в 1820-х гг. установился в европейском общественном мнении, а позже — в российском. Это было связано, с одной стороны, с морганатическим браком цесаревича Константина, с другой — вытекало из положения Николая, являвшегося отцом большого, счастливого семейства и имевшего мужское потомство (Трубецкой С. П. Замечания на книгу М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I» // 14 декабря 1825 года и его истолкователи. С. 232–233; Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. М., 1866. С. 413; Шильдер Н. К. Великий князь Николай Павлович с 1814 по 1822 гг. // Русская старина. 1901. Т. 106. С. 449–471; Т. 107. С. 5–29, 225–235).

39. Екатерина II Алексеевна (урожденная София-Фредерика-Августа, принцесса Анхальт-Цербстская, 1729–1796) — жена Петра III, российская императрица с 1762 г., бабушка Николая I. О просвещенном абсолютизме Екатерины II см.: Бильбасов В. А. История Екатерины Второй. Лондон, 1895. Т. 1–2; Абсолютизм в России: XVII–XVIII вв. М., 1964; Каменский А. Б. «Под сению Екатерины...». СПб., 1992; Омельченко О. А. Законная монархия Екатерины Второй: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993; Анисимов Е. В. Реформы Екатерины II // Власть и реформы: От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 164–191.

40. Павел Петрович (1754–1801) — российский император с 1796 г., отец Николая I. О Павле I в последние годы вышли следующие монографии и переиздания дореволюционных трудов: Валишевский К. Сын Великой Екатерины император Павел I. М., 1990; Вишняков В. Венок на гробницу императора Павла I. СПб., 1991; Шильдер Н. К. Император Павел Первый: Историко-биографический очерк. СПб., 1901. Переиздано: Шильдер Н. К. Император Павел I. М., 1997; Песков А. М. Павел I. М., 1999; Скоробогатов А. В. Павел Первый в российской исторической литературе. Казань, 1999; Оболенский Г. Л. Император Павел I. М., 2000; Тальберг Н. Д. Павел I: Очерки истории императорской России. М., 2000; Кобеко Д. Ф. Цесаревич Павел Петрович: 1754–1796. СПб., 2001.

41. Этот отзыв Александра I о царствовании Павла I сходен с характеристикой павлов-

ского режима, данной Александром Павловичем в письме к Ф. Ц. Лагарпу от 27 сентября 1797 г. (*Шильдер Н. К.* Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. Т. 1. С. 282). За последующее четырехлетнее правление Павла Петровича ничего не изменилось; ему так и не удалось решить внутри- и внешнеполитические задачи, стоявшие перед страной. Попытка же их разрешения путем усиления деспотических приемов в государственном управлении и насилия в отношении дворянства привела к дворцовому перевороту в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. И все же кратковременное, но весьма насыщенное правление Павла I стало важным этапом в истории российской самодержавной государственности. После Великой Французской революции, поставившей перед властью и обществом вопрос о путях прогресса, Павел Петрович видел единственный путь Российской империи в максимальной централизации, усилении авторитарной власти и расширении личного влияния монарха на работу центрального аппарата. Павловская модель самодержавия в царствование Николая I получила дальнейшее развитие; в это время произошло максимальное укрепление власти монарха и усиление централизации государственного управления. О политических идеалах Павла I и павловской системе управления империей см.: *Сорокин Ю.* Непросвещенный абсолютизм Павла I: Проблема и опыт изучения. Омск, 1994; *Анисимов Е. В.* Россия при Павле I // Власть и реформы: От самодержавной к советской России. С. 191–199; *Флоринский М. Ф.* Самодержавие и развитие российской государственности в конце XVIII — первой четверти XIX века // История России: Народ и власть. СПб., 1997. С. 369–374; о модели самодержавия Николая I см.: *Цамутали А. Н.* Апогей Самодержавия. Николай I // Власть и реформы: От самодержавной к советской России. С. 255–271; *Высочков Л. В.* Николай I. С. 150–165.

42. Александр I уже в Манифесте о восшествии на престол от 12 марта 1801 г. возвещал, что будет управлять «Богом врученным ему народом по закону и сердцу Екатерины Великой». Таким образом, молодой император с первого дня публично отказался от павловских методов управления государством и провозглашал себя продолжателем просветительской концепции абсолютизма Екатерины II. Центральной в этой системе идеологических и правовых идей, приспособленных императрицей к условиям России, т. е. к абсолютизму, являлся новый взгляд на отношения между властью и обществом. Их основой провозглашалась законность, т. е. правопорядок, при котором сословная структура общества, правовой статус отдельных сословий, их взаимоотношения друг с другом и верховной властью, деятельность органов государственного управления обеспечивались и гарантировались исходящими от просвещенного монарха фундаментальными законами при отделении их от частных. Сходство реформаторских поисков при Екатерине Великой и ее внуке отмечал Ю. В. Готье: «При огромном различии в исторических эпохах все же имелось внешнее сходство: правительство брало на себя почин либерального движения, общество сначала лениво следовало за ним; затем оно начинало перегонять правительство; возникало столкновение, вследствие начавшегося поворота власти к реакции. Изменения же в правительственной политике соответствовали изменениям в идеях самой Екатерины II, как позднее Александра I» (*Готье Ю. В.* Общественное движение и развитие общественной мысли в XVIII–XIX вв.: Архив РАН. Ф. 491. Оп. 1. Д. 13. Л. 10). По именным указам и манифестам, появившимся уже в первые годы царствования Александра I, был принят целый ряд освободительных мер для российской торговли и промышленности, восстановлены Жалованные грамоты дворянству и городам и Городовое положение, уничтожена Тайная экспедиция, учреждена целая система низших и средних учебных заведений, созданы новые университеты. Основное назначение цензуры определялось не как «стеснение свободы мысли и писания», а как принятие «пристойных мер против злоупотреблений» и путей к «истинному просвещению» (ПСЗ I. 1801. Т. XXVII. С. 439–444). Безусловно, каждое новое царствование начиналось с подобных либеральных установлений. Сложнее было сохранить реформаторскую тенденцию. Хотя Александр I и его «молодые друзья» имели целый «пакет» проектов административных и социальных преобразований, опыт Великой Французской революции подсказывал им, что приоритетной является фундаментальная правовая реформа. Продолжая начатое Екатериной II реформирование власти и общества, император главной задачей своей политической программы поставил вопрос о конституции. Это находило

отражение в составлении «Плана Всеобщего государственного образования» 1809 г. и создании «Государственной уставной Грамоты Российской империи» в 1819–1820 гг. Однако реализация «Плана» была приостановлена по воле Александра I, а работа над «Грамотой» «свернута». Правительственное реформаторство первой четверти XIX в. наталкивалось на сопротивление коренным переменам со стороны большинства дворянства, с которым верховная власть не желала вступать в конфликт. Александр I прекрасно осознавал, что преобразовательная направленность политического курса давала в руки консервативной оппозиции инструмент легального сопротивления реформаторскому «произволу» правительства. Кроме этого, император очень скоро понял, что для введения основ представительства в России еще не созрели социально-экономические условия. При этом самодержавие представлялось ему наиболее удобным механизмом осуществления реформ. Таким образом, проведение фундаментальной правовой реформы и подчиненных ей социально-экономических преобразований не было осуществлено. Противоречивость же последнего периода александровского царствования, когда прогрессивные меры сочетались с репрессиями и ограничениями, в какой-то мере объясняет реплика, брошенная Александром I в его разговоре с великим князем Николаем Павловичем осенью 1816 г.: «Я никогда не стану врагом прогресса, но я постоянно предпочту оставить зло, чем искоренять его реформой плохой и опасной» (цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование. Т. 1. С. 482). Подробнее о правительственном реформаторстве конца XVIII — первой четверти XIX в. см.: *Предтеченский А. В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.; Л., 1957; *Минаева Н. В.* Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в. Саратов, 1982; *Сафонов М. М.* Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988; *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989; *Цамутали А. Н.* Начало кризиса империи. Самодержавие Александра I и Николая I // *Власть и реформы: От самодержавной к советской России.* С. 201–255; *Андреева Т. В.* 1) Александр I и русское общество // *Проблемы социально-экономической и политической истории России: XIX–XX вв.* СПб., 1998. С. 168–186; 2) Александр I и М. М. Сперанский: Еще раз о «Плане Всеобщего государственного образования» 1809 года // *Английская набрежная*, 4. СПб., 2001. С. 41–74.

43. Речь идет о письме великого князя Константина Павловича к императору Александру I от 14 января 1822 г., в котором цесаревич писал, что «не чувствуя в себе ни тех дарований, ни тех сил, ни того духа, чтоб быть, когда бы то ни было, возведенному на то достоинство, к которому по рождению своему мог иметь право», желает отречься от престола и передать право наследования «тому, кому оно принадлежит» (Об отказе от престола великого князя, цесаревича Константина Павловича: РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 4567. Л. 1–8). Согласно «Учреждению об Императорской Фамилии» от 5 апреля 1797 г., это право законно принадлежало Николаю Павловичу. В ответном письме от 2 февраля 1822 г. Александр I давал свое согласие на отречение Константина от прав на российский престол. Однако это намерение цесаревича не было оформлено законодательным актом, что делала саму передачу трона от Александра I к Николаю нелегитимной. А тот факт, что информация о содержании письма Константина Павловича к императору от 14 января 1822 г. держалась в тайне не только от общества, но и большинства членов Императорского дома, способствовал возникновению династического кризиса и междоусарствия. Подробнее о междоусарствии в России в ноябре — декабре 1825 г. см.: *Корф М. А.* Восшествие на престол императора Николая I. СПб., 1857; *Шильдер Н. К.* 1) Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. Т. 4; 2) Император Николай Первый: Его жизнь и царствование. Т. 1; 3) Междоусарствие в России с 19 ноября по 14 декабря 1825 года // *Русская старина.* 1897. Т. 89. № 2. С. 193; *Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I: Опыт исторического исследования. СПб., 1912. Т. 2; *Пресняков А. Е.* 14 декабря 1825 года. М.; Л., 1926; *Окунь С. Б.* История СССР: 1796–1825. Л., 1947; *Гордин Я. А.* Мятеж реформаторов. 14 декабря 1825 года. Л., 1989. С. 19–226; *Сафонов М. М.* 1) Междоусарствие // *Дом Романовых в истории России.* СПб., 1995. С. 166–182; 2) 14 декабря 1825 года как кульминация междоусарствия // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, истори-

ография, библиография. СПб.; Кишинев. 2001. Вып. 4. С. 61–93; 3) К истории междоусобицы: (А. П. Башуцкий и М. И. Милорадович) // Мавродинские чтения / Под ред. Ю. Г. Кривошеева и М. В. Худякова. СПб., 2002. С. 145–153; *Андреева Т. В.* Противостояние: Константин и Николай // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2000. Вып. 2. С. 175–209.

44. Вильгельм Оранский (1792–1849) — принц Оранский, с 1841 г. король нидерландский Вильгельм II, муж великой княгини Анны Павловны.

45. Имеется в виду разговор Александра I с Вильгельмом Оранским. Сам факт откровенности императора с европейским родственником не вызывает сомнения, поскольку о своем намерении «абдикировать» император говорил не раз и многим лицам. В 1823 г. Александр I доверил свое сокровенное желание прусскому наследному принцу Вильгельму, брату Александры Федоровны, в разговоре, состоявшемся 5 ноября. По возвращении в Берлин, Вильгельм, скорее всего, рассказал о тайных замыслах российского императора Фридриху-Вильгельму III. Вероятно, именно этим можно объяснить тот факт, что дело получило официальную огласку. В Берлинском придворном календаре на 1824 г. Николай Павлович прямо назван наследником российского престола (*Schneider A.* Aus dem Leben Kaisers Wilhelm. Berlin, 1888. S. 199–201; 14 декабря 1825 года и его истолкователи. С. 404–440; *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование. Т. 1. С. 144). Почти в то же время Александр I сообщил о своем намерении отречься от престола Николаю Михайловичу и Екатерине Андреевне Карамзиным (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 413).

46. Отъезд Александра I из Петербурга в Таганрог был назначен на 1 сентября 1825 г. Состояние здоровья императрицы Елизаветы Алексеевны внушало все большие опасения, и врачи рекомендовали ей провести зиму в южном климате — в Италии, южной Франции или на юге России. Александр Павлович остановил свой выбор на Таганроге и объявил, что они отправляются в южную императорскую резиденцию, в надежде вернуться в столицу к новому году. Накануне отъезда из Петербурга, 30 августа, Александр I поехал в Александро-Невскую лавру, чтобы получить благословение на поездку митрополита Санкт-Петербургского Серафима. Посещение лавры императором было широко известным фактом и уже после его кончины обсуждалось в обществе. Современники Александра I, пораженные его неожиданной кончиной, искали в этом эпизоде предзнаменование. Так, известный мемуарист М. А. Дмитриев писал: «Говорят... уезжая из Петербурга, он как бы предчувствовал, что не возвратится. Говорят, что в самую ночь отъезда он был в Невском монастыре, долго молился на коленях и со слезами, был в келье у митрополита, виделся с бывшим в монастыре схимником и прислал в монастырь масла, свеч и ладану, принадлежностей церковной службы и погребения. Во всем этом видели тогда многие как будто предзнаменование и предчувствие кончины. Действительно, это можно почесть замечательным, потому что прежде никогда государь не присылал в монастырь подобного вклады» (*Дмитриев М.* Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 232). О последней поездке императора в Таганрог и его кончине см.: *Андреева Т. В.* Александр I: 1825 год // 14 декабря 1825 года. С. 63–85.

47. Действительно, вечером 30 августа 1825 г. Николай Павлович выехал в Бобруйск для инспектирования собранных вблизи города в лагере войск.

48. Речь идет о загородной резиденции великокняжеской, а позже императорской семьи в Петергофе — Александрии. Созданная по проекту архитектора А. А. Менеласа и названная, согласно семейной традиции, в честь жены Николая Павловича Александры Федоровны «Александрия», дача была построена в оригинальном неоготическом стиле, напоминавшем английские загородные особняки. Во время путешествия А. Кюстина по России сам цесаревич Александр Николаевич демонстрировал эту резиденцию (*Кюстин А. де.* Россия в 1839 году. М., 1996. Т. 1. С. 272). Об Александрии см.: Александрия. Коттедж. Готическая капелла. СПб., 2000; *Высочков Л. В.* Император Николай I: Человек и государь. СПб., 2001. С. 460.

49. 30 августа 1825 г. был освящен вновь отстроенный дворец великого князя Михаила Павловича, позже получивший название Михайловский дворец (ныне — Государственный

Русский музей); в тот же день состоялся последний совместный обед трех братьев — Александра, Николая и Михаила Павловичей — перед отъездом императора в Таганрог.

50. Николай I имеет в виду, что более он не видел в живых ни Александра I, скончавшегося 19 ноября 1825 г. в Таганроге, ни Елизавету Алексеевну, умершую 4 мая 1826 г. в г. Белеве по дороге в Петербург.

51. Возможно, понимание важности знания психологии людей пришло к Николаю Павловичу не только с жизненным опытом, но и напутствием генерал-адъютанта П. П. Коновницына, который, расставаясь с великим князем в октябре 1815 г., писал: «Убегайте льстецов, кои неверно проникнут в чертоги ваши. Они слабостями вашими воспользуются для своих выгод ко вреду вашему и других. Держитесь людей таких, которые бы от вас ничего не желали, которые не ослеплялись бы величием вашим и с надлежащим почтением говорили бы вам истину, и противоречили бы для воздержания вас от погрешностей. Есть средства узнавать людей в самых разговорах, в которых приметна и ветренность, и неосновательность, и лесть, и неискренность, и гордость, и храбрость, и проч. Выслушивайте советы полезные, но потом рассуждайте об истине и пользе. Не удаляйтесь от познания людей ни под каким предлогом, различайте их, и да избавит вас Бог от таких, которые притворялись, что не видят ваших погрешностей, и вкрадываются в сердце, а такие люди бывают, к сожалению, приятны» (цит. по: *Божерянов И. Н.* Детство, воспитание и лета юности русских императоров. С. 85–86).

52. Великий князь Николай Павлович в должности генерал-инспектора приступил к управлению Инженерным корпусом 20 января 1818 г. (*Тимченко-Рубан Г. И.* Очерк деятельности великого князя Николая Павловича как руководителя военно-инженерной частью // *Инженерный журнал.* 1911. № 4–7). Весьма яркую характеристику Николая в этот период его жизни дал в своем дневнике князь П. Б. Козловский: «Великий князь изучает не только подробности военного дела, но, как слышно, он отличный инженер, следовательно, и хороший математик. Он много читает, и все приближенные к нему лица уверяли меня, что он, в высокой степени, обладает тою силою внимательности, которая, по знаменитому определению Монтескье, есть не что иное, как гений. До сих пор он ограничивается званием генерала; но все доказывает, что он способен быть и государственным человеком. Если бы Его Высочество кончил свою жизнь, не произведя ничего великого, то не выполнил бы своего призвания, ибо природа предназначила его именно к тому» (цит. по: *Лакруа П.* Черты из жизни и царствования императора Николая I. С. 115).

53. Александр I отправился на конгресс в Ахен (Ахен, Э-ля-Шапель — французское название города) 27 августа 1818 г. Конгрессы Священного союза, кроме совещания в Ахене, состоялись: в 1815 г. в Вене, в 1820 г. в Троппау-Лайбахе, в 1822 г. в Вероне. На Ахенском конгрессе было подтверждено следующее: готовность монархов ведущих европейских стран противостоять революционному движению и право союзников в случае антиправительственных выступлений прямо вмешаться во внутренние дела союзнических стран, вплоть до интервенции. Подробнее см.: *Пресняков А. Е.* Александр I. С. 143–179; *Внешняя политика России XIX и начала XX в. М., 1979.* Сер. 2: 1815–1830. Т. 2 (10). *Н. К. Шильдер*, ссылаясь на Поля Лакруа, приводит слова Александра I, обращенные к Николаю, ознакомившемуся с актом Священного союза в сентябре 1815 г.: «Помните, что с сегодняшнего дня вы примкнули к нему. Мне хотелось бы думать, что со временем вы в свою очередь будете твердой опорой его» (*Шильдер Н. К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование. Т. 1. С. 479).

54. Действительно, отношение современников к великому князю Николаю Павловичу было более чем прохладное; его не любили в гвардии, да и в столичном обществе тоже. По словам *Ф. Ф. Вигеля*: «Он был несообщителен и холоден, весь преданный чувству долга своего; в исполнении его он был слишком строг к себе и другим. В правильных чертах его белого, бледного лица видна была какая-то неподвижность, какая-то безотчетная суровость. Тучи, которые в первой молодости облегли чело его, были будто предвестием всех напастей, которые посетят Россию во дни его правления. Не при нем они накопились, не он навлек их на Россию; но природа и люди при нем ополчились. Ужаснейшие преступные страсти в его время должны были потрясать мир, и гнев Божий справедливо карать их. Увы,

буря зашумела в то самое мгновение, когда взялся он за кормило, и борьбу с нею должен был он начать свое царственное плавание. Никто не знал, никто не думал о его предназначении; но многие в неблагоприятных взорах его, как в неясно писанных страницах, как будто уже читали историю будущих зол. Сие чувство не могло привлекать к нему сердец. Скажем всю правду: он совсем не был любим...» (*Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 2000. С. 392).

55. Васильчиков Илларион Васильевич (1775–1847) — генерал-лейтенант (1812), генерал от кавалерии (1823). Участник кампании 1806–1807 гг., герой Бородинского сражения и битвы при Лейпциге, 29 сентября 1817 г. Васильчиков был назначен командующим Гвардейским корпусом. Однако события 16–18 октября 1820 г. в Семеновском полку, имевшие негативное влияние на Александра I и способствовавшие усилению государственного консерватизма, привели к тому, что 1 декабря он был уволен от командования корпусом. Во время событий 14 декабря 1825 г. находился при Николае Павловиче. Именно с этого дня на долгие годы Васильчиков стал одним из самых близких людей для Николая I, который однажды в частной беседе с М. А. Корфом заметил: «Есть человек, душевно преданный мне и России, высоких чувств, всеми любимый и уважаемый... это граф... Илларион Васильевич» (*Корф М. А.* Записки. М., 2003. С. 60). В самом деле, по своим профессиональным достоинствам и человеческим качествам Васильчиков был одним из самых привлекательных личностей в плеяде государственных деятелей николаевской эпохи. Отличаясь рыцарским благородством, неизменной честностью, редким бескорыстием, на всех государственных постах он пользовался всеобщим уважением и любовью. Стремительный взлет карьеры Васильчикова пришелся на начало 1830-х гг., когда он был назначен командующим войсками в Петербурге, генерал-инспектором кавалерии, председателем Комитета по делам Царства Польского, председателем Департамента законов Государственного Совета. После смерти Н. Н. Новосильцева Васильчиков 13 апреля 1838 г. стал председателем Государственного Совета и Комитета министров. Приступив к своим обязанностям, он обратил особое внимание на проблему крепостничества. Единомышленник Николая I, он, также как император, считал, что нельзя проводить форсированную крестьянскую реформу, а необходимо «продолжить дорогу для постепенного перехода к другому порядку вещей» и обратить внимание на преобразование в государственном управлении. Под руководством Васильчикова в попытках найти способ безболезненного решения крестьянского вопроса усиленно работали два (1835 и 1839–1842 гг.) из одиннадцати николаевских Секретных комитетов. Самостоятельный в действиях и бесстрашный в суждениях, Васильчиков, по словам того же Корфа, был «единственным человеком, который во всякое время и по всем делам имел свободный доступ и свободное слово к своему монарху, человек, которого Николай I не только любил, но и чтит, как никакого другого; один, в котором он никогда не подозревал скрытой мысли, которому доверял без утайки, как прямодушному и благонамеренному советнику, почти как ментору; один, можно сказать, которого он считал и называл своим другом!» (Там же. С. 372). Об И. В. Васильчикове см.: *Валенкамф Г. В.* Памяти истинно русского вельможи князя И. В. Васильчикова. СПб., 1847; *Давыдов В. Д.* Генерал И. В. Васильчиков во время командования Гвардейским корпусом: 1818–1822 // *Русская старина.* 1873. Т. 7. С. 785–798.

56. Здесь Николай I не точен, вдовствующая императрица Мария Федоровна скончалась 24 октября 1828 г., т. е. в то время, о котором он ведет рассказ, она была жива.

57. Милорадович Михаил Андреевич (1771–1825) — генерал от инфантерии, военный генерал-губернатор Петербурга (1818–1825). Участник Итальянского и Швейцарского походов А. В. Суворова, герой Аустерлица, Силистрии, Бородина, Тарутина, Малого Ярославца, после Отечественной войны 1812 г. и наполеоновских походов он стал самым любимым и популярным военачальником. Вероятно, именно поэтому Александр I в 1815 г. назначил Милорадовича командиром Гвардейского корпуса, и во время долгого отсутствия императора в столице в период подготовки и работы конгресса Священного союза в 1815 г. гвардия «осталась под начальством» генерала. Однако талантливый боевой командир, Милорадович мало разбирался в стратегических и военно-хозяйственных вопросах и отличался безалаберностью и мотовством, не обращал внимания на «лихачество» своих